

14

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ
О ТРЕХЛѢТНЕМЪ ПУТЕШЕСТВІИ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

В. И. Роборовскаго и П. К. Козлова.

Докладъ П. К. Козлова въ общемъ собраніи И. Р. Г. О.—2-го апрѣля 1897 г.

Весною 1893 года Императорское Русское Географическое Общество снарядило экспедицію въ Центральную Азію въ составѣ сотрудниковъ незабвеннаго Н. М. Пржевальскаго: В. И. Роборовскаго и меня. Въ конвой экспедиціи вошли частью прежніе спутники знаменитаго путешественника, частью намѣченные имъ въ таковыя. Съ окончательнымъ сформированіемъ экспедиціи на границѣ, гдѣ къ намъ прибылъ изъ Вѣрнаго молодой человекъ — учитель Каракунузской дунганской школы—В. Ф. Ладыгинъ, персоналъ ея состоялъ изъ 13 человекъ.

Задача экспедиціи—изслѣдовать неизвѣданныя части Внутренней Азіи, съ цѣлью связать маршруты путешественниковъ, посѣдившихъ восточный Китай, съ работами изслѣдователей западнаго Китая. Общій маршрутъ ея намѣчался такъ: отъ Пржевальска, новою дорогою по Тянь-Шаню въ Турфанскую (Люкчювскую) котловину, чрезъ Гоби въ Са-чжоу, для изслѣдованія совершенно неизвѣстной восточной части Куэнь-луня и бассейна Голубой рѣки, а затѣмъ въ Сы-чуань, на соединеніе съ экспедиціею Г. Н. Потанина. Обратный путь предполагался по новому, болѣе сѣверному направленію на Турфанъ, Гучень и поперекъ Чжунгаріи въ Зайсанъ. Срокъ экспедиціи былъ опредѣленъ трехлѣтній или, точнѣе, въ 30 мѣсяцевъ пребыванія за границей.

Общая программа дѣятельности экспедиціи представляется въ слѣдующемъ видѣ. Рѣдко экспедиція слѣдовала въ полномъ со-

ставѣ. Чаше она дѣлилась на двѣ, а иногда и на три части, притомъ по дорогѣ устраивались склады съ оставленіемъ, тормозящихъ движеніе, коллекцій подъ присмотромъ части людей отряда. Кромѣ того въ Люкь-чюнской котловинѣ была основана метеорологическая станція, работавшая непрерывно два года.

Полную картину о настоящемъ путешествіи въ недалекомъ будущемъ—по возстановленіи силъ, развернетъ предъ вами руководитель дѣла В. И. Роборовскій. Я же остановлюсь, главнымъ образомъ, на своихъ экскурсіяхъ, въ сторону отъ пути главнаго каравана.

15-го іюня 1893 года экспедиція, будучи сердечно напутствуема соотечественниками города Пржевальска,—а накануне поклонившись праху своего незабвеннаго учителя,—направилась тяжело нагруженнымъ караваномъ къ востоку. Въ воспоминаніи чередовались картины прежнихъ странствованій; эти воспоминанія да запасъ силъ, и энергіи дружной экспедиціонной семьи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и надежды на успѣхъ въ тяжеломъ, но славномъ предпріятіи облегчали предстоявшій трудъ...

Поѣздка изъ Юлдуса въ сѣверную Кашгарію.

Оставивъ Пржевальскъ 15-го іюня 1893 года, экспедиція уже черезъ полтора мѣсяца стояла бивакомъ въ долинѣ Большаго Юлдуса. Отсюда ¹⁾ я могъ предпринять первую экскурсію въ сторону отъ главныхъ силъ экспедиціи.

Разставшись съ караваномъ, я ²⁾ сначала направился внизъ по Юлдусу и, при первой возможности ³⁾, переправился на правый берегъ Хайдыкъ-гола. Далѣе я повернулъ на западъ-юго-западъ, и по одной изъ самыхъ многоводныхъ рѣчекъ, составляющихъ верховье Хайдыкъ-гола—Кюкююнныкъ-голь,—поднялся на снѣговой хребетъ Тсюдыръ-ула. Вершины указанныхъ горъ были завалены снѣгомъ и скованы льдомъ. Горные проходы здѣсь уже давно заброшены и мы, съ своимъ проводникомъ, не найдя среди многихъ ущелій—возможнаго для прохожденія съ лошадьми, вынуждены были повернуть обратно; только значительно восточнѣе удалось съ другимъ торгоутомъ подняться на перевалъ Кокъ-тэке и, минуя горы, спуститься въ сѣверную Каш-

¹⁾ Сліянніе Большого и Малаго Юлдусовъ.

²⁾ Со мною были Ульзабату Катаевъ и проводникъ.

³⁾ При урочищѣ Башлыкъ.

гарію въ селеніе Бугуръ, которое лежитъ на большой при-тянь-шаньской дорогѣ.

Хребетъ пересѣченный по перевалу въ 12.500 футовъ надъ морскимъ уровнемъ съуживается къ сѣверному склону и, наоборотъ, широко расплывается къ югу; нижній и средній пояса сѣвернаго склона богаты травянистой и мелко-кустарной зарослью. Главная ось хребта дика, скалиста и заполнена ледниками, сползающими на сѣверную сторону значительно ниже, нежели на южную, гдѣ тотчасъ-же отъ вершины хребта начинается крутое паденіе глубокихъ ущелій.

Ширина ущелья рѣки Динара, ко которому мы слѣдовали, отъ 50 до 100 сажень; по бокамъ стоятъ нависшія скалы. Сѣверные скаты горъ поросли еловыми лѣсами, мѣстами спускающимися до дна ущелья, гдѣ преобладаютъ карагачъ, стоящій сплошнымъ лѣсомъ, и густая заросль ивы. Южный скатъ горъ бѣденъ растительностью, которая носитъ здѣсь иной характеръ; тутъ преобладаютъ растенія, свойственныя сухой Кашгаріи: бѣлолозникъ (*Eurotia*), полынка (*Artemisia*), кусты караганы и проч. Въ общемъ ущелье дико-красиво. Часто при слѣдованіи внизъ встрѣчаются тѣсинны, которыя во время высокой воды задерживаютъ движеніе путника. Съ шумомъ неслись мутные дождевые потоки по узкимъ ущельямъ и съ грохотомъ падали по отвѣснымъ утесамъ образуя пѣнистыя брызги. Все время, пока мы тутъ шли, стоялъ такой шумъ, что заглушалъ голоса людей и животныхъ; къ тому же гремѣлъ громъ, раскаты котораго напоминали отдаленную пальбу крѣпостныхъ орудій. Безпрерывно сверкавшая молнія производила въ мрачномъ ущельи, эффектное зрѣлище.

По мѣрѣ того какъ мы спускались мѣстность становилась живописнѣе, растительность богаче; колючіе кустарники были сплошь одѣтыя годами, служившими приманкой медвѣдямъ, слѣды пребыванія которыхъ часто обнаруживались. Здѣшнихъ медвѣдей туземцы раздѣляютъ по цвѣту шерсти на три породы: темную, свѣтлую и пеструю. Съ наступленіемъ холодовъ медвѣди уходятъ въ глубокія берлоги. Охотники-торгоуты легко, отыскиваютъ мѣста лѣжекъ и тотчасъ же устраиваютъ дымокуръ. Мѣдвѣдъ, надышавшись дымомъ, лѣниво выползаетъ наружу; едва держась на ногахъ, онъ шло поводитъ головою и, конечно, скоро дѣлается добычей охотниковъ. Изъ другихъ звѣрей въ этихъ горахъ встрѣчаются слѣдующіе: мараль, аргали (*Ovis Polii*), горный козелъ (*Capra sibirica*), барсъ (*Felis irbis*), волкъ (*Canis lupus*), лисица (*Canis vul-*

pes), хорекъ и заяцъ Изъ птицъ—вверху уллары (*Megaloperdix himalayensis*); еще выше, а нерѣдко и ниже—бородачъ-ягнятникъ (*Gypaetus barbatus*); грифы—черный (*Vultur monachus*) и бѣлый (*Gyps himalayensis*); сосѣдка тѣхъ и другихъ—клушица-грионъ (*Pyrhrocoax graculus*). Въ среднемъ поясѣ горъ держалось значительно больше птицъ, принадлежащихъ, главнымъ образомъ, къ отряду воробьиныхъ.

Изъ сел. Бугура я пошелъ по большой дорогѣ до Курля, откуда, направляясь къ сѣверу, прибылъ, чрезъ монгольское урочище Шикшинъ, въ Уластынъ—на соединеніе съ караваномъ.

Верховье рѣки Алго.

Первую треть сентября экспедиція двигалась, въ полномъ составѣ, южной окраиной горъ, лежащихъ къ сѣверу отъ озера Баграшъ-куля. Придя въ ущелье Наринъ-кургутъ-гола, она разбила свой бивакъ на нѣсколько дней на берегу живописнаго альпійскаго озера Наринъ-кургутъ-нора.

Здѣсь я снова разстался съ караваномъ на этотъ разъ всего на нѣсколько дней. В. И. Роборовскій, двигаясь съ главными силами экспедиціи, придерживался болѣе доступныхъ горъ; я же, будучи совсѣмъ налегкѣ, пересѣкъ горы значительно сѣвернѣе, по перевалу Беергинъ-дабану, поднимающемуся на 13.400 футовъ надъ морскимъ уровнемъ; кромѣ того доѣхалъ до истоковъ рѣки Алго и близлежащихъ озеръ. Эта рѣка зарождается въ снѣговомъ хребтѣ; начальное направленіе ея съ сѣвера на югъ; ложе узко, каменисто; по сторонамъ кусты караганы. Животная жизнь бѣдна въ смыслѣ количества видовъ, но за то богата количествомъ особей. Сурокъ (*Arctomys*) здѣсь многочисленъ: холмистое плато повсюду изрыто его норами, но звѣрьки уже залегли на зимнюю спячку; тогда какъ сусликъ-зурмунъ (*Spermophilus*) былъ еще довольно дѣятеленъ.

Въ данное время (сентябрь) воды въ верховьи Алго не было вовсе. Только чрезъ 20 верстъ, гдѣ рѣка, встрѣтивъ на пути сѣверную окраину пересѣченнаго нами хребта, дѣлаетъ крутой поворотъ къ востоку, по ея дну катятся воды западнаго притока Захсала-голь. Отсюда рѣка Алго течетъ глубокимъ ущельемъ, и сопровождается рощами тополей, ивъ и зарослями кустарниковъ; въ широкихъ мѣстахъ долины много ключей, по которымъ растутъ

камышы; нерѣдко встрѣчаются пашни торгоутовъ. Скота всюду много. На зиму сюда приходятъ торгоуты изъ Малаго Юлдуса.

Въ урочищѣ Ташагайнъ я соединился съ караваномъ, съ которымъ и слѣдовалъ до сел. Токсуна. Здѣсь экспедиція пробыла нѣсколько дней. Бивакъ ея стоялъ на свободной площади, въ ближайшемъ сосѣдствѣ небольшого болотца, на которомъ ежедневно наблюдались пролетныя птицы.

30-го сентября мы оставили Токсунъ, выйдя изъ него тремя партіями. Караванъ послѣдовалъ, подъ наблюдениемъ г. Ладыгина, по большой дорогѣ въ Люкь-чюнъ, куда В. И. Роборовскій направился налегкѣ южной окраинной котловины. На мою же долю выпалъ заманчивый развѣздъ, по пустынному пути къ озеру Лобь-нору, въ Кызыль-Сынырь.

Первое знакомство съ оазисомъ Кызыль-Сыныромъ.

Моя поѣздка продолжалась около двухъ недѣль, въ теченіе которыхъ пройдено 410 верстъ. Общая картина посѣщенной мѣстности представляется слѣдующей. Къ югу, пересѣкая мой путь поперекъ, залегаютъ два пустынныхъ хребта Чоль-тагъ ¹⁾ и Куррукъ-тагъ ²⁾. Между ними заключена глубокая долина, покрытая въ болѣе низкой (2000 футовъ абсолютной высоты) части солончаками, а повыше—пескомъ и гравіемъ. По этой долинкѣ кое гдѣ разбросаны ключевые источники, замѣтные издали по окружающей ихъ жалкой растительности. Подобные уголки служатъ пріютомъ пустынныхъ представителей животнаго царства. Здѣсь бродятъ дикіе верблюды, хара-сульты, волки, лисицы, зайцы и мелкіе грызуны. Изъ птицъ, среди осѣдлыхъ, характернѣе прочихъ *Podoces Biddulphi*, которая здѣсь имѣетъ свою сѣверную границу географическаго распространенія.

Перейдя хребетъ Чоль-тагъ по Ушакъ-талъской дорогѣ, я уклонился, слегка, къ востоку отъ полуденнаго направленія. Описанную долину Шоръ-тузе — мы пересѣкли при колодцѣ Шоръ-булакъ; далѣе чрезъ урочища Гәнсохоло, Поджюнга и Кантъ-булакъ достигли маленькаго оазиса Кызыль-Сыныра.

Означенный оазисъ отстоитъ отъ Токсуна на 225 верстъ, понясъ отъ меридіана послѣдняго слегка къ востоку. Онъ рас-

¹⁾ Пустынный хребетъ.

²⁾ Сухой хребетъ.

положенъ въ сѣверномъ предгорьи Курукъ-тага, на высотѣ приблизительно, около 4500 футовъ надъ моремъ. Лѣтъ 50 тому назадъ, одинъ люкъ-чюнскій охотникъ, преслѣдуя звѣрей въ горахъ, случайно встрѣтилъ зеленѣющій уголокъ. Проживъ здѣсь нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ добылъ много звѣрей, онъ рѣшился остаться въ этомъ оазисѣ навсегда. Семью и все свое состояніе онъ перевезъ изъ города. Затѣмъ успѣшно охотясь, усердно обрабатывая землю, удовлетворяя нужды кочующихъ торговцевъ, пионеръ зажилъ привольно. Вскорѣ этотъ пустынный уголокъ былъ соединенъ путями сообщенія съ Люкъ-чюномъ, Турфаномъ, Токсуномъ на сѣверѣ и Таримомъ, или Лобомъ на югѣ. Въ настоящее время здѣсь обитаетъ одинъ изъ сыновей пионера — Ахметъ-палганъ — съ своимъ многочисленнымъ семействомъ. Главное занятіе отшельниковъ охота, скотоводство и земледѣліе.

Пробывъ въ Кызылъ-Сынырѣ два дня, пользуясь гостепріимствомъ и собравъ много интересныхъ свѣдѣній о прилежащихъ мѣстахъ, я направился инымъ, восточнымъ, путемъ къ Люкъ-чюну. Мѣстность носить болѣе дикій и болѣе пустынный характеръ. На этомъ тяжеломъ пути находятся мѣста остановокъ съ слѣдующими названіями: Паса-бекнынь-булакъ, Узунъ-булакъ, Худукъ и Талтыкъ-булакъ.

Люкъ-чюнь.

Въ Люкъ-чюнь экспедиція снова собралась во-едино. Здѣсь была устроена метеорологическая станція, для наблюденій въ Люкъ-чюнской впадинѣ. Самая глубокая часть ея заключаетъ въ себѣ остатокъ соленыхъ водъ, называемыхъ озеромъ Боджантѣ. Населеніе сосредоточено въ сѣверо-западномъ углу котловины, гдѣ она достаточно орошена и плодородна.

Животная жизнь описываемой котловины характеризуется пустынными формами. Представители маммологической фауны суть: *Gazella subgutturosa*, *Sus scrofa*, *Canis lupus*, *C. vulpes*, *Lepus*, *Felis*, *Dipus*, *Gebrielus*, *Mus Wagneri*, *Euchoreutes naso* и друг. Птиць — 44 вида, распредѣляющихся слѣдующимъ порядкомъ:

	Осѣдлыя.	Зимующія.
Хищныя (<i>Accipiteres</i>)	9	1
Воробьиныя (<i>Passeres</i>)	13	9
Голубиныя (<i>Columbae</i>)	3	—

	Осѣдлыя.	Зимующія.
Куриныя (Gallinae)	2	—
Голенастыя (Grallatores)	—	1
Плавающія (Natatores)	—	6
Всего	27	17

Наши наблюденія за оба пребыванія относятся къ одному и тому же періоду — поздней осени, когда замѣчено было порядочное число видовъ птицъ, спустившихся съ горъ сосѣдняго Тяньшаня.

Изъ Люкь-чюна чрезъ оазисъ Кызыль-Сынырь и озеро Лобъ-Норъ въ Са-чжоу.

Въ половинѣ ноября 1893 года экспедиція оставила оазисъ Люкь-чюнь, по водвореніи тамъ урядника Шестакова на два года. Отсюда она послѣдовала двумя эшелонами. Главный караванъ, во главѣ съ В. И. Роборовскимъ, пустился на востокъ пустыннымъ, заброшеннымъ китайцами, путемъ. Миновавъ Хами и пересѣкши пустыню поперекъ, онъ прибылъ въ оазисъ Са-чжоу.

Цѣль моего разѣзда ¹⁾ заключалась въ достиженіи знакомаго оазиса Кызыль-Сыныра третьимъ, Турфанскимъ путемъ. Прибывъ на мѣсто, я долженъ былъ устроить тамъ складъ; затѣмъ налегкѣ направиться въ глубину пустыни по діагонали къ Са-чжоу; возвратившись въ Кызыль-Сынырь, я предполагалъ слѣдовать на озеро Лобъ-норъ, откуда по пескамъ Кумъ-тага въ Са-чжоу.

Покинувъ Люкь-чюнь и выбравшись южной окраиной котловины къ колодцу Боджантэ-тура, мы уже стояли на Турфанской дорогѣ. Къ югу отъ Боджантэ залегаетъ постепенно поднимающаяся вверхъ каменистая пустыня, шириною до 20 верстъ. За нею встаетъ хребетъ Чоль-тагъ. Общій характеръ этого хребта остается неизмѣннымъ. Направленіе горныхъ кражей простирается съ юго-востока на сѣверо-западъ; главныхъ гребней два. Высшая точка въ сѣверной цѣпи 3700 футовъ надъ уровнемъ моря; въ южной—4800 футовъ. Горы эти на всемъ нашемъ пути чрезъ нихъ совершенно безжизненны; только у сѣвернаго ската Чоль-

¹⁾ Который состоялъ изъ меня, урядника Баипова, препаратора Курилова и проводника. Съ нами было пять вьючныхъ верблюдовъ и четыре верховыхъ лошади.

тага, по ущелью, ютится ключъ Ачикъ-булакъ, служащій пристанищемъ путниковъ; при ключѣ сиротливо стоятъ нѣсколько деревьевъ тала (*Salix*). Здѣсь же встрѣтили парочку голубыхъ силицъ (*Cyanistes cyanus*) и парочку же *Leptorocile Sophiae*.

Миновавъ хребетъ Чоль-тагъ и слѣдуя чрезъ колодець Арпышме, лежащій въ долинѣ, нашъ караванъ, двумя большими переходами, прибылъ въ Кызылъ-Сыныръ. Общій видъ маленькаго оазиса, съ того времени, какъ мы его покинули, измѣнился: деревья, кромѣ джиды, обнажены; ключъ скованъ льдомъ; вся растительность отливаеъ желтовато-сѣрымъ колоритомъ.

Черезъ два дня былъ сформированъ развѣздъ въ пустыню. 12-ти-дневное пребываніе въ глубинѣ ея дало возможность описать сомкнутую кривую въ 350 верстѣ; впередъ шли въ сѣверномъ направленіи; обратно — южнѣе, ближе къ Лобнорской впадинѣ.

1-го декабря мы оставили оазисъ и направились къ юго-востоку. Вскорѣ по узкому ущелью прошли главную цѣпь Курукъ-тага и, держась ея южной окраины, двигались въ прежнемъ направленіи. Къ югу каменистая покатость значительно падала, и на горизонтѣ показались крайнія высоты. Повсюду кругомъ мѣстность была очень пустынна: царило мертвое безмолвіе. Только на мѣстахъ ночлега: Нанъ-шань, Бешъ-булакъ, Буруту, Олунтыменту, Алтмышъ-булакъ—было нѣсколько оживленнѣе.

Общій характеръ прослѣженнаго хребта Курукъ-тага таковъ: онъ тянется, замѣтно понижаясь, на востокъ-юго-востокъ; главная ось его проходитъ вблизи южной окраины; видъ мрачный, безжизненный. Особенно выдающихся вершинъ, за исключеніемъ горы Юмулакъ-тагъ, нѣтъ. Хребетъ расчлененъ на много частей. Переваловъ въ строгомъ смыслѣ слова не существуетъ. Сухихъ руслъ съ хребта сбѣгаеъ много; главнѣйшія изъ нихъ достигаютъ ложа рѣки Конче-дарья. Мѣстами по русламъ залегаютъ площади растительности, питаемая подпочвенной водой. На меньшихъ склонахъ наружу выбѣгаютъ родники. Вода служитъ приманкой характернымъ представителямъ пустыни—антилопѣ (*Gazella subgutturosa*) и дикому верблюду (*Camelus bactrianus ferus*); видѣть послѣдняго здѣсь не удалось. Изъ птицъ попадались только *Coryvus corax* и *Podoces Hendersoni*.

Познакомившись съ горами, мы направились къ югу и чрезъ 25 верстѣ, вступивъ на сухое ложе Конче-дарья достигли Таримской котловины. Во времена недавно минувшія здѣсь протекала

вода и существовала растительность. Нынѣ же русло засыпано песками и носить у туземцевъ названіе Кумъ-даря, т. е. песчаная рѣка. Въ сухой атмосферѣ хорошо сохранились стволы тограковъ, разбросанные тамъ и сямъ по мертвой ложбинѣ, направленіе которой уходило на востокъ-юго-востокъ. Животной жизни нѣтъ и въ поминѣ; единственно, что мы тутъ встрѣтили, это были старые слѣды джепрака и высохшій трупъ сарыча.

Итакъ, главная цѣль рекогносцировки была выполнена; оставалось только, слѣдуя обратно въ Кызыль-Сынырь, прослѣдить южную оконечность горныхъ кражей и сдѣлать вторичное, болѣе южное, пересѣченіе руслъ, пройденныхъ вначалѣ. Горныя гряды на нашемъ новомъ пути, состоящія изъ кремнистыхъ сланцевъ, простирались на сѣверо-востокъ. Между ними тянулись болѣе или менѣе широкія долины. Какъ первыя, такъ и вторыя одинаково были безжизненны и, въ болѣе высокихъ мѣстахъ, запылены снѣгомъ. Болѣе глубокія впадины заполнены солончаками. Въ зимнее время солончаки представляютъ твердую поверхность. Лѣтомъ вода, стекающая съ горъ, превращаетъ солончаки въ болота, что можно видѣть и теперь въ мѣстѣ выхода ключей. Подобныя мѣстности служили пристанищемъ нашего маленькаго каравана. Въ общемъ наша обратная дорога характеризуется отсутствіемъ прѣсной воды, скудостью корма, трудностью движенія, но богатствомъ топлива. Это послѣднее обстоятельство значительно облегчало трудности пребыванія въ этой мѣстности, въ особенности по ночамъ, когда температура падала до $-24,5^{\circ}$ С. Походнымъ жилищемъ служила намъ маленькая палатка, защищавшая только отъ вѣтра. Мѣстами лежалъ снѣжный покровъ до дюйма толщиною. Въ послѣдній день пребыванія въ пустынѣ (12-го декабря) былъ сильный снѣжный штормъ, который шелъ цѣлый день съ сѣверо-востока. Въ этотъ памятный день мы прошли 55 верстъ и, сильно усталые, добрались до фанзы Ахметъ-палгана.

Въ Кызыль-Сынырь мы пробыли три дня, въ теченіе которыхъ наши животныя успѣли отдохнуть на хорошемъ кормѣ. Тѣмъ временемъ мы могли снарядить караванъ и пополнить продовольствіе.

Отсюда нашъ путь лежалъ на юго-западъ. Справа высокой гѣной стояла главная ось хребта Курукъ-тага, который можно характеризовать такъ: крутъ, скалистъ и на верху абсолютно лиень растительности. По мѣрѣ удаленія къ сѣверо-западу, мощ-

ность хребта увеличивается. На меридианѣ горы Диндіосенъ мы уклонились къ югу; дальнѣйшій путь пролегалъ по мѣстности, круто падавшей въ сторону пустыни, но по прежнему хранившей горный характеръ. Оставивъ за собою нѣсколько поперечныхъ долинъ и горныхъ грядъ (составляющихъ западное продолженіе видѣнныхъ въ рекогносцировку на Кумь-дарью), мы на третій день своего выступленія изъ Кызыль-Сыныра приблизились снова къ этой мертвой ложбинѣ.

Вскорѣ, затѣмъ, мы вступили и на берега современной Конче-дарьи. По ней мы слѣдовали чрезъ сел. Тыккаликъ, новый городъ Дуралъ¹⁾ и достигли озера, образовавшихся, сравнительно, въ недавнее время. Это интересное явленіе произошло лѣтъ 15 тому назадъ, когда восточный рукавъ Тарима, изливая свои прозрачныя воды въ невысокихъ берегахъ, сдѣлалъ крутой поворотъ къ западу. Песчано-глинистые берега рѣки подмывались водой и постепенно разрушались, въ особенности та часть лѣваго берега, которая противостояла мощному напору рѣки. Наконецъ, берегъ рухнулъ и грозный потокъ устремился со всею силой въ сторону общаго направленія, создавая новую артерію. Вначалѣ вода полилась узкой лентой, затѣмъ, постепенно расширяясь, черезъ 10 верстъ достигла солончаковой впадины Чивелликъ²⁾. Напоивъ ее своею влагой и скрывъ уродливые солончаки, рѣка, подъ названіемъ Илэкъ, собирается въ русло прежнихъ размѣровъ и, пройдя около 15 верстъ, снова дѣлится на двѣ равныя части. Отсюда правая вѣтвь, стремящаяся на юго-западъ, черезъ 8 верстъ соединяется со старымъ русломъ Конче-дарьи, которая, въ свою очередь, пройдя еще двѣ версты, вливается въ рѣку Таримъ при урочищѣ Айрылганъ. Лѣвая же вѣтвь, держась юго-восточнаго направленія, заполняетъ нѣсколько далѣе глубокіе промежутки песковъ, образуя озеро Соготъ и, совершенно обезсиливъ, впадаетъ въ рѣку Таримъ въ 20-ти верстахъ ниже Айрылгана.

Познакомившись съ озерами рѣки Конче-дарьи, мы направились внизъ по Тариму, слѣдуя правымъ берегомъ, порою то приближаясь къ рѣкѣ, то отъ нея удаляясь. Ледяной покровъ образовался еще не вездѣ: широкія полынья встрѣчались довольно часто. Растительная полоса, сопровождающая рѣку, то расширяется

¹⁾ Или Синь-чанъ, основанный китайцами въ 1890 году.

²⁾ Окружность озера Чивелликъ-куля 40—50 верстъ. Размѣры же озера Согота почти половинны перваго.

въ ширь, то идетъ узкой лентой, будучи сдавливаема подошедшими съ запада песчаными холмами; болѣе густыя заросли тѣснились поблизости воды. Вблизи селенія Чегеликъ мы видѣли совершенно свѣжій слѣдъ огромнаго тигра.

Наканунѣ новаго, 1894, года мы прибыли на озеро Лобъ-норъ. По дорогѣ насъ встрѣтили его обитатели во главѣ съ Кунчиканъ-бекомъ — правителемъ Лобъ-нора. Этотъ старый знакомый приютилъ насъ подъ своимъ княжескимъ кровомъ. На Лобъ-норѣ, въ селеніи Абдалъ, мы прожили пять дней, въ теченіе которыхъ хорошо снарядились на предстоящее путешествіе по пустынѣ къ Са-чжоу.

Зимняя картина Лобъ-нора весьма печальна и уныла; но какъ скоро живительный лучъ тепла разбудить тишину природы: озерки откроются и тысячи, десятки тысячъ пернатыхъ странниковъ найдутъ себѣ около нихъ приютъ и отдыхъ, прежде нежели направиться къ сѣверу.

6-го января мы покинули селеніе Абдалъ¹⁾ и привѣтливаго Кунчиканъ-бека, который далъ намъ въ проводники двухъ лучшихъ лобнорскихъ охотниковъ. Три дня, на протяженіи 70-ти верстъ, нашъ путь пролегалъ на востокъ и сѣверо-востокъ южнымъ берегомъ озера Лобъ-нора. Почти на всемъ означенномъ протяженіи вблизи насъ была открытая (свободная отъ камыша) полоса воды. По мѣрѣ обѣднѣнія водою рукава, камышъ значительно мельчалъ. Наконецъ, вблизи урочища Лачинъ вода изсякла: борьба съ пустыней окончилась. Далѣе, къ сѣверо-востоку потянулась растительность средняго рукава, затерявшаяся въ тѣхъ же солончакахъ. Кое-гдѣ по этимъ зарослямъ мы встрѣчали слѣды кабановъ и дзереновъ. Вечеромъ, при полномъ безмолвіи вокругъ, часто доносились стройные мелодичные звуки лебяжьего полѣта.

Въ урочищѣ Лачинъ мы оставили озеро Лобъ-норъ. На югѣ къ нему примыкаетъ солончаковая площадь, всхолмленная точно застывшія волны. Солончаки тянутся около 200 верстъ къ востоку—граница древняго Лобъ-нора. Справа пески Кумъ-тага залегаютъ на каменистой покатои равнинѣ. Южной границей ихъ служитъ хребетъ Алтынъ-тагъ. Общее направленіе этихъ песковъ простирается на сѣверо-востокъ до оазиса Са-чжоу, гдѣ они и оканчиваются. Къ востоку отъ рѣки Джаскансай ширина Кумъ-

¹⁾ Въ Са-чжоу ведутъ двѣ дороги: горная пройденная весною 1892 года личаниномъ Литтлделемъ (Littledale) съ женою, и пустынная низменная, кою удалось мнѣ наслѣдовать.

тага увеличивается; на меридианъ Туя уже достигаетъ отъ 80-ти до 100 верстъ. Такой полосой пески тянутся до урочища Ачикь-худукъ (120 верстъ), откуда сѣверная граница ихъ склоняется къ юго-востоку. Высота довольно правильныхъ грядъ Кумь-тага доходить до 200—300 футовъ. Сѣверный скатъ пологій; на немъ песокъ сбитъ въ плотную массу. Растительности, по словамъ проводниковъ, нѣтъ, воды также нѣтъ.

Нашъ путь, по которому болѣе 600 лѣтъ тому назадъ ступала нога знаменитаго венеціанца Марко-Поло, пролегалъ прежнимъ берегомъ Лобь-нора, рѣзко измѣнившимся отъ урочища Чиндэйликъ. Здѣсь каменистая полоса круто падаетъ въ солончаковую впадину. Подножіе обрывовъ и начало солончаковъ представляетъ самое отрадное мѣсто въ этой дикой пустынѣ. Здѣсь тянется растительная полоса камыша, тамариска и хвойника. Кое-гдѣ разбросаны лужи горько-соленой воды.

На седьмомъ переходѣ, Пянжа-булакъ, мы замѣтили къ сѣверу горы. Въ воздухѣ стояла пыльная мгла, но сквозь нее все-таки довольно ясно обрисовывался силуэтъ отдѣльной гряды, протянувшейся съ сѣверо-запада на востокъ-юго-востокъ. Въ общемъ, означенная горная система представляетъ изъ себя вздутіе, на которомъ насажено безконечное число большихъ и малыхъ грядъ. На востокъ эти горы уходятъ далеко; ихъ пересѣкаетъ Хамійская дорога въ 60-ти верстахъ къ сѣверу отъ оазиса Са-чжоу.

Отъ урочища Короть-булака на западѣ, до Ачикь-худука (150 верстъ) на востокѣ пустыня несетъ иной характеръ. Дикіе солончаки оканчиваются. Взамѣнъ ихъ раскидываются широкія площади растительности, свойственной озеру Лобь-нору. Въ урочищѣ Ачикь-худукъ, гдѣ, по всей вѣроятности, и была самая восточная окраина Лобь-нора, долина сѣзвилась до 10-ти верстъ. Здѣсь Кумь-Тагъ посылаетъ отъ себя нѣсколько языкообразныхъ грядъ, достигающихъ своими сѣверо-восточными оконечностями предгорій Курукъ-тага. Эти песчанья гряды какъ-бы замыкаютъ или преграждаютъ долину. Дно послѣдней усыпано довольно крупнымъ, красиво обточеннымъ пескомъ. Водоносный горизонтъ проходитъ на глубинѣ 1 сажени,—по крайней мѣрѣ, судя по колодцамъ.

Вотъ почему этотъ уголокъ пустыни, удаленный отъ человѣка, изобилующій кормомъ, а зимой и питьемъ (снѣгъ), даетъ у себя пріютъ тому интересному животному, которое издавна манитъ къ себѣ европейскихъ изслѣдователей. Я говорю о дикомъ верблюдѣ. Дѣйствительно, мы попали въ гнѣздо «кораблей пустыни». Не

охотясь за ними исключительно, а лишь попутно, добыто въ коллекцію четыре шкуры этихъ животныхъ. Въ одинъ день, вблизи маленькаго бивака, лежали два убитыхъ гиганта. По словамъ проводниковъ, дикіе верблюды всегда зимою держатся, въ описываемой долинѣ въ большомъ количествѣ. Позднею же весною и лѣтомъ углубляются въ нѣдра Кумъ-тага; другіе же поднимаются въ предгорья Алтынъ-тага или находятъ себѣ пріютъ къ сѣверу въ ущельяхъ горъ. Кромѣ верблюдовъ въ означенной долинѣ изрѣдка встрѣчались: антилоны, волки, лисицы, зайцы и мелкіе грызуны. Изъ птицъ же *Podoces Biddulphi*, *Syrrhaptes paradoxus* и проч.

Покинувъ «долину дикихъ верблюдовъ», нашъ путь уклонился къ юго-востоку. Еще южнѣ отошли пески Кумъ-тагъ. Мѣстность слегка стала повышаться. По ней тянулись слѣды стараго русла, бѣжавшаго въ котловину Лобъ-нора. Поверхностный слой этой мѣстности былъ посыпанъ крупно-зернистымъ пескомъ. Этотъ песокъ, движимый вѣтромъ, производилъ удивительныя видоизмѣненія песчано-глинистой почвы, въ особенности по обрывистымъ берегамъ.

Съ каждымъ днемъ движенія впередъ долина принимала все болѣе привѣтливый видъ. Наши караванныя животныя шли энергичнѣе, такъ какъ ежедневно на ночевкахъ могли ѣсть и пить досыта. Усталость была сильно замѣтна лишь на лошадяхъ¹⁾. Верблюды же шли все время молодцами; только съ ними и можно пускаться въ подобныя экскурсіи. Въмѣстѣ съ улучшеніемъ растительности, животная жизнь также обогатилась. На меридіанѣ озера Хала-чи проходитъ граница восточнаго распространенія *Podoces Biddulphi* и западная *Phasianus satscheuensis*.

Въ оазисъ Са-чжоу мы прибыли 20-го января. Радостно было встрѣтиться съ товарищами, разлука съ которыми продолжалась 2¹/₂ мѣсяца, въ которые мы прошли 1750 верстъ. Скоро всѣ минувшія трудности ступшевались и лишь въ отрадномъ образѣ являлся въ воспоминанія успѣхъ совершеннаго разѣзда.

Пребываніе въ Са-чжоу и весенній пролетъ птицъ.

Съ приходомъ въ оазисъ Са-чжоу экскурсіи пришлось на время іюстановить. Сосѣдній хребетъ Нань-шань, главная цѣпь котораго на меридіанѣ Са-чжоу, а также къ востоку и къ западу отъ

¹⁾ Въ среднѣ пустыни уставшая лошадь была брошена.

него, покрыта вѣчными снѣгами, ставить преграду изслѣдованіямъ до поздней весны. Въ ожиданіи возможности приступить къ развѣздамъ по Нань-шаню мы занялись наблюденіями надъ мѣстной фауной, весеннимъ пролетомъ птицъ и т. п.

Весенній пролетъ птицъ въ оазисѣ Са-чжоу характеризуется великой бѣдностью. Берега Дань-хэ мало оживлялись пернатыми странниками; они ихъ избѣгали и съ большей охотой останавливались въ долинѣ рѣки Сулей-хэ, по которой во многихъ мѣстахъ разсыпаны озера.

Въ послѣднихъ трехъ февралѣ и марта мѣсяцевъ наступали періоды сѣверо-восточныхъ штормовъ, продолжавшіеся дней до десяти. Порою штормъ внезапно прекращался, появлялось временное затишье, а затѣмъ съ прежней напряженностью дулъ съ противоположной юго-западной стороны. Снѣжный буранъ значительно понижалъ температуру, а вмѣстѣ съ этимъ задерживалъ пробужденіе природы. Жаль было тогда прилетныхъ странниковъ. Въ ихъ тревожныхъ голосахъ, раздававшихся днемъ и ночью, слышались жалобы на тотъ суровый привѣтъ, какимъ встрѣтила ихъ здѣшняя природа. Не найдя себѣ пріюта, нѣкоторые стада прилетныхъ пернатыхъ продолжали летѣть на востокъ или на западъ, по направленію къ озеру Лобъ-Нору. Новые же гости изъ Индіи не появлялись. Недавній проблескъ тепла и жизни казался сномъ.

Валовой пролетъ пернатыхъ наступилъ съ 1-го марта и продолжался всю первую половину этого мѣсяца. Большое оживленіе царило въ это время на болотистыхъ озерахъ, лежащихъ на западъ и востокъ отъ оазиса Са-чжоу. Всѣ онѣ биткомъ были набиты птицей, и сосѣдняя окрестность стала неузнаваемой; въ воздухѣ мелькали и высоко и низко утки, гуси, чайки, бакланы, черные аисты и многіе другіе. Весь этотъ птичій міръ разносилъ свое восторженное весеннее гнѣе далеко по сторонамъ. Оно долетало и въ безпробудную пустыню...

Въ концѣ марта В. П. Роборовскій возвратился изъ Наньшаньской экскурсіи на главный бивакъ, который я оставилъ 3-го апрѣля. Вначалѣ мы¹⁾ направлялись долиною нижняго теченія Сулей-хэ: далѣе, на меридианѣ Юймынь-сяня, подвигались по той же рѣкѣ вверхъ за передовую ограду Нань-шаня. Познакомившись съ междугорной долиною и сѣвернымъ подножіемъ хребта Да-сюаня, мы уклонились на сѣверъ—по рѣкамъ Шибандуну и Ш-

¹⁾ Мы изслѣдовали урочище Жаръ-4

бочину. Оставивъ послѣднюю, наша дорога отошла на западъ, мимо Думбатскихъ высотъ; затѣмъ склонилась на юго-западъ къ устью ущелья Хунь-люся. Отсюда сѣверо-сѣверо-западнымъ курсомъ мы достигли Са-чжоу.

Нань-шань.

Двѣ рекогносцировки, предпринятыя раннею весною изъ Са-чжоу въ сосѣдній Нань-шань, выяснили лѣтнюю дѣятельность экспедиціи. Рѣка Данъ-хэ или Шара-голджинъ, какъ она называется въ своемъ верхнемъ горномъ теченіи, послужила отличной магистральной линіей, по которой методически двигался караванъ, устраивая чрезъ каждую сотню верстъ продолжительную стоянку. Стоянки эти выбирались въ лучшихъ мѣстахъ, богатыхъ кормомъ для караванныхъ животныхъ и удобныхъ исходныхъ пунктахъ для географическихъ развѣдокъ, одновременно производившихся и В. И. Роборовскимъ и мною. На главномъ бивакѣ оставался г. Ладыгинъ, который, помимо ботаническихъ сборовъ и пополненія энтомологической коллекціи, систематически велъ метеорологическія наблюденія. Опытный вахмистръ Ивановъ слѣдилъ за общимъ порядкомъ. Препараторъ Куриловичъ собиралъ птицъ; прочіе люди отряда охотились за звѣрями. Всѣ такіе пункты опредѣлялись астрономически. Къ нимъ мы привязывали свои маршруты, представлявшіе собою удлиненныя петли. Въ долинѣ Шара-голджина продолжительныхъ стоянокъ было три: въ Куку-усу, на ключѣ «Благодатный»; въ Уланъ-булакѣ, у сѣвернаго подножія хребта Гумбольдта, и на верховьи этой рѣки, при урочищѣ Яматынь-умру. Четвертая, послѣдняя стоянка въ Нань-шанѣ, находилась у сѣвернаго подножія Южно-кукунорскихъ горъ, при рѣкѣ Горбанъ-ангыръ-голь. Линія, соединяющая эти пункты, разграничивала Нань-шань на двѣ половины, изъ которыхъ сѣверная досталась мнѣ; южную же избралъ для своихъ изслѣдованій В. И. Роборовскій.

Остановлюсь на районѣ своихъ рекогносцировокъ, рамками которымъ служатъ меридіаны оазиса Са-чжоу на западѣ и озера Куку-нора на востокѣ, и представляющемъ собой площадь въ 500 верстъ по долготѣ, и около 300 верстъ по широтѣ. Развѣзды вывлялись съ однимъ и тѣмъ же спутникомъ—урядникомъ Жарчъ; перемѣнялись только проводники.

Топографическій характеръ разсматриваемой мѣстности предвѣщается слѣдующимъ. На сѣверѣ протянулся горный кракъ,

который состоитъ изъ двухъ частей, заходящихъ одна за другую. Восточная извѣстна подъ названіемъ Шишаку-шань. Въ 30—40 верстахъ къ югу поднимается передовая ограда Нань-шаня. Восточнѣе рѣки Дань-хэ передовая ограда связывается съ послѣдующимъ къ югу хребтомъ. Этотъ послѣдній имѣетъ восточное направленіе до меридіана города Юй-мынь-сяня; затѣмъ довольно круто склоняется на юго-востокъ. Въ западной своей части, на протяженіи 80 верствъ, онъ лишентъ вѣчныхъ снѣговъ и извѣстенъ подъ названіемъ Кашикарингъ-ула; далѣе же къ востоку этотъ хребетъ блестятъ вѣчными снѣгами, называясь Да-сюэ-шанемъ. Вскорѣ затѣмъ онъ раздѣляется на двѣ снѣговья цѣпи, въ которыхъ залегаетъ верховье рѣки Сулей-хэ. Къ югу, параллельно западной части Да-сюэ-шаня, протянулся хребетъ Буруту-курунгъ-ула, который, по мѣрѣ удаленія на востокъ, мельчаетъ и, сопровождая на всемъ теченіи рѣку Ёма-хэ, чрезъ 130 верствъ совершенно исчезаетъ. Наконецъ, самой южной границей моихъ изслѣдованій служилъ хребетъ Гумбольдта, открытый Н. М. Пржевальскимъ.

Общій характеръ здѣшнихъ, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ, хребтовъ одинаковъ, и состоитъ: 1) въ томъ, что всѣ эти хребты имѣютъ одно и то же направленіе съ востока на западъ; 2) передовыя цѣпи болѣе круто ниспадають своими сѣверными склонами и, наоборотъ, положе на южные склоны; 3) главные хребты, при своей огромной абсолютной высотѣ, имѣютъ также значительную относительную высоту; 4) въ самыхъ высокихъ хребтахъ высія вершины, обыкновенно вѣчно-снѣговья, расположены лишь отдѣльными группами и не тянутся въ видѣ длинныхъ гребней; 5) формы горъ, за исключеніемъ вѣчно-снѣговыхъ, мягкія съ пологими боковыми скатами и куполообразными вершинами; 6) всѣ хребты, какъ главные, такъ и второстепенные, доступны по переваламъ; наконецъ, 7) обнаженныхъ скалъ вообще мало, ихъ замѣняютъ розсыпи, какъ продуктъ разложенія горныхъ породъ.

Въ междугорныхъ пространствахъ раскидываются долины, которыя или обозначаютъ собою теченіе рѣкъ Шара-голджинъ, Ёма-хэ, Сулей-хэ, или представляютъ замкнутыя котловины — озеро Ноготъ-норъ и Хара-норъ. По высокимъ горнымъ долинамъ часто залегаютъ кочковатая болота, составляющія характерную принадлежность нань-шаньскаго плато.

Въ означенномъ районѣ ¹⁾ ключи, рѣки и рѣчки встрѣчались

¹⁾ Преимущественно въ восточной части; западная же, наоборотъ, бѣдна атмосферными осадками.

довольно часто,—словомъ орошеніе мѣстности весьма обильное. Въ замкнутыхъ котловинахъ вся выпадающая влага, не находя выхода, образуетъ малыя и большія озера. Вода почти во всѣхъ нань-шаньскихъ озерахъ, вслѣдствіе ихъ замкнутости и сильнаго испаренія, соленая. Самое большое озеро Хара-норъ, не посѣщенное до нашего времени ни однимъ европейцемъ, лежитъ на меридианѣ Юй-мынь-сяня. Что же касается рѣкъ, то онѣ, главнымъ образомъ, несутъ свои воды въ долину нижняго теченія рѣки Сулей-хэ, орошая по дорогѣ встрѣчные оазисы. На востокъ отъ озера Хара-нора южная цѣпь Сулей-хэ, послѣ временнаго пониженія, снова круто вздымаетъ свои снѣжныя вершины подъ названіемъ Шаголинъ-намдзилъ. Эта высокая снѣговая группа, давая начало на своемъ сѣверномъ склонѣ рѣкѣ Сулей-хэ, питаетъ и систему рѣки Бухайнъ-гола, текущей къ югу. Немного восточнѣе этой возвышенной группы зарождается Тэтунгъ-голь, имѣющій стокъ черезъ Желтую рѣку въ океанъ.

Флора высокихъ долинъ и горъ Нань-шаня сходствуетъ съ флорою Тибета. Если обратиться къ фаунѣ описываемой страны, то въ этомъ отношеніи найдется еще болѣе общихъ представителей, въ особенности въ отдѣлѣ млекопитающихъ. Какъ Тибетъ богатъ числомъ особей а не разнообразіемъ формъ, такъ точно и Нань-шань. И здѣсь обиліе млекопитающихъ вызывается достаточнымъ количествомъ корма и воды, обширностью пространствъ и сравнительнымъ отсутствіемъ человѣка.

Пернатое царство Нань-шаня небогато. У млекопитающихъ малое, сравнительно, количество видовъ вознаграждается массою особей; но среди птицъ описываемой страны подобнаго обилія не встрѣчается. Всего нами найдено въ Нань-шанѣ 111 видовъ, слѣдующимъ образомъ распредѣляющихся по отрядамъ и по образу жизни.

	Осѣд- лыя.	Гнѣзда- щіяся.	Про- летныя.
Хищныя (Accipiteres)	8	5	5
Воробьиныя (Passeres)	15	28	13
Голубиныя (Columbae)	1	—	—
Куриныя (Gallinae)	7	—	—
Голенастыя (Grallatores)	—	6	10
Плавающія (Natatores)	—	3	10
Всего	31	42	38

Вопросъ о минеральномъ богатствѣ Нань-шаня до сихъ поръ

еще мало разработанъ. Въ изслѣдованной части горной системы добываніе золота производится въ разныхъ мѣстахъ. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ разработка нѣдръ земныхъ происходитъ на Тэтунгѣ. Золотопромышленники—вездѣ китайцы.

Что же касается населенія Нань-шаня, то въ немъ обитаютъ одни лишь номады. На сѣверѣ живутъ монголы, пришедшіе изъ Халхи и Карашара, на востокѣ—тангуты, на югѣ и западѣ—коренные монголы Курлыка. Внутренность же страны представляетъ полное безлюдіе.

Мои экскурсіи по Нань-шаню.

11-го мая 1894 года экспедиція оставила оазисъ Са-чжоу и перенесла свой бивакъ въ нѣсколько дней на ключъ Куку-усу, или «Благодатный», какъ его называлъ покойный Н. М. Пржевальскій.

Отсюда я направился вверхъ по Шара-голджину и Ъма-хэ къ Нючжуанскому ущелью; далѣе, миновавъ хребетъ Кашикаринъ-ула и ключъ Да-чуань, я прослѣдовалъ къ устью ущелья Хунъ-люся, на соединеніе съ маршрутомъ весенняго разѣзда. Вернувшись на ключъ Да-чуань, мы пошли къ рѣкѣ Шибэндуну и снова поднялись на хребетъ Кашикаринъ-ула, на этотъ разъ восточнѣе. Познакомившись съ альпійскимъ озеромъ Дзѣре-норомъ, лежащемъ между двумя цѣпями горъ того же хребта, мы спустились въ долину Ъма-хэ и, переправившись чрезъ ея рѣку, поднялись на хребетъ Буруту-курунъ-ула. Дальнѣйшій нашъ путь лежалъ въ долину Шара-голджина, по которой мы и прибыли на главный бивакъ.

Слѣдующая экскурсія была предпринята по перенесеніи базы экспедиціи на ключъ Уланъ-булакъ. Оставивъ послѣдній, я направился на перерѣзъ долины Шара-голджина и, пониженною частью хребта Буруту-курунъ-ула, вышелъ въ долину рѣки Ъма-хэ, переправившись чрезъ которую, поднялся переваломъ Кашикаринъ-урту-дабанъ на хребетъ того же имени. Отсюда, спустившись къ сѣверному подножію горъ, прослѣдовалъ ихъ окраиной къ востоку до рѣки Сулей-хэ. Вернувшись съ послѣдней на ключъ Мацзы-гоу, я направился на пересѣченіе хребта Да-сюэ-шаня по перевалу Хуанъ-сенку-дабанъ въ 14.300 футовъ абсолютной высоты. За этимъ переваломъ лежитъ узкое, глубокое ущелье, идущее къ лѣвому берегу рѣки Сулей-хэ, съ которой оно соединяется тѣснымъ корридоромъ, падающимъ высокимъ каскадомъ. За неск-

можностью пробраться на рѣку Сулей-хэ, я повернулъ обратно къ ключу Мацзыгоу; отсюда, слѣдуя у сѣвернаго подножія Да-сюэ-шаня, свернулъ въ ущелье Кунца-голь и по перевалу Кунца-гольнѣ-дабанъ оставилъ хребетъ, понавъ въ долину рѣки Ыма-хэ. Переправившись чрезъ означенную рѣку, я поднялся на перевалъ Дабасунѣ-дабанъ, который находится въ хребтѣ Буругу-курунѣ-ула; далѣе, спустившись съ него въ долину Шара-голджина, и перейдя которую, прибылъ на ключъ Уланѣ-булакъ.

Третья экскурсія была совершена изъ урочища Яматынѣ-умру, куда экспедиція перенесла свой тяжелый багажъ въ половинѣ іюля, и гдѣ нерѣдко падалъ снѣгъ не только по горамъ, но и въ долинахъ. Въ послѣдней трети іюля я оставилъ бивакъ. Мое начальное движеніе было къ сѣверо-западу, гдѣ все время приходилось то подниматься на боковые увалы южныхъ предгорій снѣговыхъ горъ, то спускаться въ долины ихъ рѣчекъ. Затѣмъ по одной изъ послѣднихъ, измѣнивъ прежнее направленіе на сѣверо-восточное, я поднялся на южную снѣговую цѣпь Да-сюэ-шаня и, переваломъ въ 14.300 футовъ надъ моремъ спустился, слѣдуя къ востоку, на рѣку Цзаирмыкѣ-голь. Пройдя немного по этой рѣкѣ, я ее оставилъ и съ своимъ маленькимъ караванчикомъ, на лошадахъ, послѣдовалъ горами, держась альпійскаго пояса. Мнѣ помогали охотничьи тропинки, умѣло проложенныя тангутами и монголами, промышлявшими здѣсь за маралами. Вездѣ, на моемъ пути, были отличныя пастбища: роскошныя лужайки съ коврами цвѣтовъ пестрѣли подлѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ виднѣлись слѣды давняго обитанія человѣка-номада. Горныя ручьи, съ чистѣйшей, какъ кристалль водой, шумно катились къ долинѣ рѣки Сулей-хэ. Только одна эта главная вѣтвь, громко бурля, неслась мутнымъ потокомъ, въ особенности въ узкихъ, недоступныхъ человѣку, мѣстахъ. Въ мѣстахъ же расширенія долины, мы выходили на нее и даже шли по ея лѣвому берегу до лѣваго незначительнаго притока Боронѣ-голь. Ущельемъ этой рѣченки и слѣдующими сухими мы снова попали въ альпы и проходили въ ихъ области два дня въ надеждѣ хорошо поохотиться. Для этой же цѣли съѣздили на рѣчку Цаганѣ-бурга-сутай и опять увидѣли высокія, грязныя волны Сулей-хэ. Затѣмъ, поднявшись на южную цѣпь Да-сюэ-шаня, въ пониженной не снѣговой ея части, мы попали на верховье Ыма-хэ. Кругомъ лежитъ пустынное мѣсто. Хребетъ Буругу-курунѣ-ула едва простираетъ свою оконечность къ подножію Да-сюэ-шаня. Оставивъ истоки рѣки Ыма-хэ,

мы уклонились на юго-востокъ, слѣдуя южной окраинной горъ. Придерживаясь такого направленія, я, на другой день, былъ уже на бивакѣ экспедиціи.

18-го августа экспедиція оставила Яматынь-умру и направилась къ 4-му своему пункту—урочищу Горбань-ангарь-голу; по дорогѣ повнакомилась съ прѣснымъ озеромъ Ноготь-норомъ. Теперь оставалось совершить послѣдній развѣздъ по Нань-шаню.

1-го сентября я отправился въ путь, слѣдуя къ сѣверо-востоку. На второй день удалось подняться на восточное продолженіе хребта Гумбольдта переваломъ Шара-голынъ-дабаномъ, поднятымъ надъ морскимъ уровнемъ на 14.500 футовъ. Отсюда предсталь прекрасный видъ на голубыя воды Хара-нора. Держа тотъ же сѣверо-восточный курсъ, мы, чрезъ 25 верстъ, достигли южнаго берега озера.

Озеро Хара-норъ лежитъ въ замкнутой котловинѣ, абсолютная высота которой около 18.000 футовъ. Очертаніе озера напоминаетъ форму груши, обращенной тупымъ концомъ на западъ, а острымъ на востокъ. Въ окружности оно немногимъ не достигаетъ 100 верстъ: наибольшая ширина — 20. Вода прозрачная, горько-соленоватая. На восточномъ берегу озера лежатъ барханы сыпучаго песка.

3-го сентября, обогнувъ озеро съ запада, мы пришли на рѣку Салка-тынъ-голь, и остановились въ 7 верстахъ выше впаденія ея въ Хара-норъ. Оставивъ эту рѣку, мы направились западнѣе, въ пониженную часть снѣгового хребта, по перевалу Цзаирмыкентъ-дабанъ и спустились къ рѣкѣ того же имени. Узкимъ ущельемъ означенной рѣки мы вышли въ долину рѣки Сулей-хэ и направились вверхъ по ея теченію до самыхъ истоковъ. Отсюда, въ виду снѣговой громады Шаголинъ-намдзилъ, отстоявшей на полдень, мы подыались на сѣверную цѣпь Сулей-хэ. Оставивъ ее, мы вышли на верховье рѣки Толай-голь и ею слѣдовали до истоковъ, которые представляютъ собою высокое плато, устланное мото-ширикомъ; послѣдній отливаль желтымъ увядшимъ тономъ. На этой растительной полосѣ масса большихъ и малыхъ озерковъ. На востокъ вдаль протянулись сосѣднія цѣпи горъ, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Вблизи наблюдателю представляется чудная панорама невысокихъ горъ, изрѣзанныхъ капризными глубокими ущельями, по дну которыхъ, точно змѣи, ползутъ прозрачныя ручьи и рѣчки.

По одному изъ такихъ ущелій пролегалъ нашъ дальнѣйшій

путь. Ущелье включает истоки Тэтунга, который образуется из водных вѣтвей сѣверной и южной снѣговыхъ цѣпей. От нихъ сбѣгають роскошные увалы альпійскихъ луговъ. Мѣстами, на днѣ долины, виднѣлись еще зеленѣющія лужайки, отливающія голубыми цвѣтами. Днемъ на солнцѣ летали бабочки, мухи, жуки; сурки по сторонамъ звонко свистѣли. Словомъ, природа на этихъ ступеняхъ еще предавалась бодрствованію, а не отходила ко сну, какъ это было на только-что покинутомъ плато мотошириковъ.

Познакомившись съ общимъ характеромъ верховья Тэтунга, я повернулъ обратно въ томъ мѣстѣ, гдѣ животная и растительная жизнь уже приняли богатые формы, и сама мѣстность спустилась до 10.000 футовъ надъ моремъ. Идя къ юго-западу отъ воды Тэтунга, я, такимъ образомъ, обогнулъ своимъ маршрутомъ съ юго-востока все ту же снѣговую громаду—Шаголинъ-намдзилъ. Перевалъ, которымъ я спустился въ бассейнъ Бухайна, незначительный — всего 13.000 футовъ надъ уровнемъ моря; окрестное озерное плато мотошириковъ немногимъ ниже. Здѣсь отъ восточнаго колоссальнаго ледника Шаголинъ-намдзила, идетъ широкая и многоводная рѣка,—одинъ изъ солидныхъ данниковъ Бухайна. Переправившись чрезъ нее и держась прежняго курса, я поднялся на перевалъ южнаго отрога снѣговой громады и, съ абсолютной высоты въ 13.400 футовъ, спустился вскорѣ на слѣдующій многоводный лѣвый притокъ Бухайна—рѣку Шина-голь. Придя ея долиной, по которой тѣснилось много кочевниковъ-тангутовъ, на главную вѣтвь Бухайна и переправившись чрезъ эту рѣку, я свернулъ на сѣверо-западъ, по правому притоку. Далѣе этимъ послѣднимъ поднялся вверхъ до слѣдующаго такового и, затѣмъ, чрезъ небольшія высоты, идя къ сѣверу, вышелъ къ восточному берегу озера Хара-нора. Вездѣ на пройденной части бассейна Бухайна, встрѣчались прекрасныя пастбища, и тѣснились или номады съ своими стадами, или же только одни дикіе представители животнаго царства. Прослѣдовавъ южнымъ берегомъ обширнаго Хара-нора до первоначальной точки стоянія, я съ своимъ, тяжело нагруженнымъ коллекціями, караванчикомъ повернулъ къ главному биваку. По дорогѣ намъ предстояло подняться на восточное продолженіе хребта Гумбольдта по перевалу Бухынъ-дабану въ 14.500 утовъ абсолютной высоты и, наконецъ, спуститься по широкому предгорью въ урочище Горбанъ-ангыръ-голь.

Этимъ закончились мои изслѣдованія по Нань-шаню.

27-го сентября экспедиція направилась къ Курлыку. Разставаясь съ горами надолго, я устроилъ охоту за улларами (*Megaloperdix*). Эти большія птицы или громко свистѣли въ скалахъ, или тихо кормились неподалеку отъ нашего бивака. Въ одинъ счастливый день лично я убилъ 13 улларовъ, украсившихъ орнитологическую коллекцію.

Спускаясь въ Курлыкскую равнину, мы ощущали все большее и большее тепло. 1-го октября экспедиція, переправившись черезъ рѣку Бангъ-голь, расположилась бивакомъ на ея лѣвомъ берегу. На здѣшнихъ болотахъ собралось много запоздавшихъ пролѣтныхъ птицъ. Въ тихія, ясныя ночи пернатые странники уносились къ югу. Въ Курлыкѣ экспедиція должна была простоять продолжительное время, необходимое на устройство склада и снаряженіе новаго каравана, изъ вьючныхъ яковъ, для путешествія въ Сычуань. Тѣмъ временемъ я устроилъ поѣздку для съемки Курлыкскихъ озеръ—Курлыкъ-норъ и Тосо-норъ.

Курлыкъ и общее движеніе экспедиціи на якахъ въ Сычуань.

Устроивъ въ Курлыкѣ складъ экспедиціоннаго багажа, а также оставивъ верблюдовъ и часть лошадей подъ присмотромъ 4 человекъ изъ состава отряда, экспедиція 1 декабря, въ числѣ 8 человекъ, двинулась въ Сычуань. Караванъ состоялъ изъ 19 вьючныхъ яковъ и 10 верховыхъ лошадей. Задача экспедиціи заключалась въ обзорѣніи мало извѣстной мѣстности до Да-цзянь-лу. Срокъ возвращенія къ складу былъ опредѣленъ черезъ 8 мѣсяцевъ, т. е. въ іюлѣ.

По Курлыкской долинѣ экспедиція двигалась первые дни медленно; новыя караванныя животныя, съ которыми мы никогда раньше не путешествовали, оказались несравненно тяжелѣе въ обращеніи, нежели верблюды. Впереди лежала пустынная мѣстность до Бангъ-гола, самой богатой и многоводной рѣки въ Цайдамѣ.

Рѣка Бангъ-голь, на которую мы вышли, вытекаетъ изъ озера Тосо-нора, лежащаго въ крайнихъ къ Цайдаму тибетскихъ горахъ. Въ своемъ горномъ теченіи она носитъ названіе Еграй-голь. По выходѣ изъ горъ, Еграй-голь скрывается подъ землей и только черезъ 20—30 верстъ выходитъ снова на поверхность, уже подъ именемъ Бангъ-гола. Вступивъ въ равнины южнаго Цайдама, описываемая рѣка течетъ здѣсь около 250 верстъ въ

сѣверо-западномъ направленіи и впадаетъ въ мелководное соленое озеро.

Берега Байнъ-гола довольно густо поросли кустарниками, среди которыхъ преобладаютъ хармыкъ (*Nitraria Schoberi*) и тамарискъ (*Tamarix Pallasii*).

Въ числѣ птицъ на Байнъ-голѣ впервые теперь намъ встрѣтился пайдамскій фазанъ (*Phasianus Wlangalii*). Кромѣ того, изъ осѣдлыхъ видовъ встрѣчались: *Podoces Hendersoni*, *Rhopophilus alboperciliaris* и чернолобый жаворонокъ. Сюда же залетали съ горъ *Vultur monachus* и *Gypsaetus barbatus* въ надеждѣ поживиться добычей.

Изъ звѣрей мы нашли на Байнъ-голѣ: антилопу (*Gazella subgutturosa*), волковъ, лисицъ и зайцевъ.

Дальнѣйшій путь экспедиціи шелъ въ томъ же юго-восточномъ направленіи къ хырмѣ Шандрѣ. Рѣка Байнъ-голь приходилась сѣвернѣе. Покинувъ орошаемую ею полосу, мы вступили въ каменистую равнину и, на третій день по выступленіи отъ ставки Барунъ-засака, прибыли въ Шандрѣ. Здѣсь, кругомъ крѣпости, расположены поля, обрабатываемыя мѣстными обитателями.

Съ приходомъ экспедиціи въ Шандрѣ, наши яки заболѣли «часой». Это обстоятельство задержало выступленіе до конца декабря. Болѣзнь животныхъ выражалась выдѣленіемъ изъ рта воючей слюны и слабостью ногъ, отчего яки большую часть времени лежали. Такое состояніе продолжается около недѣли а затѣмъ опадаютъ копыта. Болѣзнь постепенно переходитъ на всѣхъ животныхъ каравана.

Во время невольнаго продолжительнаго пребыванія въ Шандрѣ, мы хорошо познакомились съ ламами. Отъ нихъ же узнали, что вверхъ по Еграй-голу пройти въ это время почти невозможно, такъ какъ, во-первыхъ, рѣка имѣетъ широкіе ледяные забереги, во-вторыхъ, по серединѣ русло открыто и, наконецъ, въ-третьихъ, вверхъ по долинѣ къ озеру Тосо-нору наметенъ глубокой снѣгъ.

Въ виду этихъ препятствій, экспедиція принуждена была въ передній путь миновать рѣку Еграй-голь, слѣдуя сѣвернѣе по ея правымъ притокамъ. Мѣстность несла горный характеръ; справа нудся высокій хребетъ, одѣтый въ среднемъ поясѣ древовиднымъ можжевельникомъ и обильно засыпанный снѣгомъ. Слѣва ры мельче. Въ долинахъ тѣснились кочевники-тангуты.

Послѣ добродушныхъ и привѣтливыхъ монголовъ, тангуты

показались сварливыми и заносчивыми. Кроме того нашъ будущій проводникъ сейчасъ же предупредилъ о своихъ собратяхъ, намѣревавшихся ограбить караванъ экспедиціи ночью. Пришлось усилить ночныя дежурства и приготовиться къ встрѣчѣ нападенія. Ночь подъ новый, 1895, годъ была вся проведена подъ ружьемъ, такъ какъ конная шайка тангутовъ все время рыскала вокругъ нашего бивака, но убѣдившись, благодаря ясной лунной ночи, въ нашей полной готовности, грабители не рѣшились произвести нападенія.

2-го января 1895 года мы поднялись на указанный хребетъ по перевалу Куку-котель. Абсолютная высота его достигаетъ 14.000 футовъ. На склонѣ, обращенномъ къ сѣверу, растеть лѣсъ *Inpiricus Pseudo-Sabina*. Во время нашего прохожденія въ ближайшихъ заросляхъ мелькнула стайка дубоносовъ (*Muscogobas*) и быстро исчезла. Съ вершины перевала, къ востоку и къ югу отъ него, открывается лабиринтъ горъ, между коими лежитъ долина, выведшая насъ черезъ два перехода на слѣдующій перевалъ — Балгатенъ-котель, пролегающій черезъ вторую вѣтвь того главнаго хребта, который составляетъ непосредственное продолженіе цѣпи Бурханъ-Будда.

Гребень скалистъ; ущелья узки, извилисты и пересѣкаются частыми обрывами. Мѣстами лежалъ снѣгъ, мѣстами виднѣлись открытыя луговыя площади, по которымъ равно какъ и по соедѣнимъ скаламъ лѣпился съ ними тотъ же древовидный можжевельникъ.

Слѣдуя внизъ съ перевала Балгатенъ-котель по наплывамъ льда, мы на другой день вышли въ долину рѣки Какты-голь, праваго притока Еграй-гола. Не смотря на очень богатую кормомъ долину Какты-гола, мы нигдѣ не встрѣчали кочевниковъ. Только вступивъ въ долину рѣки Цаганъ-оботу, лѣваго притока Какты-гола, экспедиція, чрезъ нѣсколько верстъ движенія вверхъ, достигла урочища Тулайту-юроль, обитаемаго тангутами.

Долина Цаганъ-оботу, по дну которой катятся воды рѣки того же названія, была сплошь покрыта кустарниками *Muricaria*. Въ нихъ ютились мелкія птички: *Leptopoeile Sophiae*, *Accentor*, *Carpodacus* и друг. Подъ ледянымъ карнизомъ скрывалась оляпка (*Cinclus*).

9-го января экспедиція слѣдовала къ перевалу Цаганъ-оботу. Направленіе пути было прежнее, юго-восточное. Сосѣднія горы несутъ мягкій характеръ. Луговая растительность возбѣгаетъ почти

до гребня. Въ распадкахъ горъ спрятанъ низкорослый тальникъ (*Salix*), который густымъ ковромъ одѣваетъ сѣверные скаты.

Поднявшись на переваль, абсолютная высота котораго около 14.200 футовъ, мы встрѣтили, среди животной жизни, тибетскихъ представителей. По сторонамъ паслись стада *Bos gurniensi*, которые, большею частью, не смотря на стужу, держались по гребнямъ горъ у снѣговъ. На болѣе низкихъ мѣстахъ бродили *Asinus Kiang*; въ переѣзку съ ними паслись стройные *Procapra picticauda*. На всемъ пути луговое плато было изрыто норами пищухъ (*Lagomys ladacensis*). Въстѣ съ звѣрами появились и птицы, свойственныя высокому нагорью: *Podoces humilis*, *Montifringilla*, *Falco* и *Buteo*; послѣдніе два вида усиленно преслѣдовали *Lagomys*.

Слѣдующими двумя переходами экспедиція достигла озера Тосонора, лежащаго на томъ же плато на высотѣ 13.300 футовъ надъ уровнемъ океана. Первая стоянка экспедиціи на озерѣ Тосонорѣ была на сѣверномъ берегу, неподалеку отъ его восточной окраины. Здѣсь мы устроили дневку для производства астрономическихъ работъ и другихъ научныхъ изысканій. Затѣмъ мы снова повернули къ сѣверо-востоку на сосѣднее озеро Хара-норъ, или, какъ его называютъ тангуты, Дыгъ-мцо. Послѣднее лежитъ въ двухъ дняхъ пути на разстояніи 35 верстъ. Обставленное горами, подобно Тосонору, озеро Хара-норъ въ половину меньше перваго.

Далѣе намъ предстоялъ путь въ бассейнъ Желтой рѣки, въ который и привелъ насъ слѣдующій переходъ; а вторымъ переходомъ мы уже достигли рѣки Чурмына, на которую, немного ниже нашего вступленія, выходилъ путь Н. М. Пржевальскаго.

На рѣкѣ Чурмынѣ, и вообще при вступленіи въ бассейнъ Хуанъ-хэ, характеръ мѣстности видимо измѣняется. Здѣсь русла рѣкъ спрятаны въ глубокихъ ущельяхъ, бока которыхъ обставлены отвѣсными конгломератовыми стѣнами. Всѣ воды имѣютъ стокъ къ юго-востоку и востоку, такъ какъ общее пониженіе высокоаго нагорья направлено въ ту сторону.

Вступивъ на рѣку Чурмынъ, долина которой здѣсь лежитъ на высотѣ 12.700 футовъ надъ уровнемъ моря, экспедиція направилась этой рѣкой вверхъ по теченію. Ширина долины рѣки колебалась отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ версты; справа и слѣва горы носятъ мягкій характеръ и покрыты травянистой растительностью. Въ боковыхъ бокахъ распадкахъ стелется *Salix*; по каменистому дну долины растутъ *Hippophaë*. Къ югу же, откуда несутся воды рѣки,

стоятъ высокія, дикія горы Амнэ-Мачинъ, ярко отливающія на солнцѣ бѣлизною своихъ снѣговъ.

Миновавъ знаменитое «обо», мы покинули Чурмынъ и поднялись на переваль Нджугуды-нига, на вершинѣ котораго и разбили свой бивакъ. Означенный переваль, весьма удобный, ведетъ черезъ отрогъ, залегающій между Чурмыномъ и его правымъ притокомъ—Накъ-чю. Переваль поднимается надъ морскимъ уровнемъ на 13.700 футовъ. Его вершина густо поросла травянистой и кустарной растительностью, среди которой порхали стайки большихъ жаворонковъ (*Melanosogerha шахша*).

На второй день движенія отъ Чурмына мы стояли подъ главнымъ переваломъ—Мджугди-ла на берегу рѣки Накъ-чю, а третьимъ переходомъ и его оставили за собой. Переваль Мджугди-ла находится у восточной окраины той главной цѣпи Амнэ-Мачина, которая рѣзко выдѣляется изъ всей своей группы высокою бѣлою стѣною, протянувшееся съ сѣверо-востока на юго-западъ. Средняя изъ сѣдыхъ вершинъ этой цѣпи особенно высоко поднята вверхъ и своей общей конфигураціей напоминаетъ главную вершину Шаголинъ-намдзилъ въ Нань-шанѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь могучіе пики выглядятъ стражами, смотрящими по сторонамъ на зарождаемые ими потоки. Отъ восточной окраины высокой стѣны Амнэ-Мачина спускается ледникъ до самаго перевала, поднятаго надъ океаномъ до 15.000 футовъ.

Изъ птицъ мы здѣсь замѣтили только однихъ вьюрковъ (*Motifringilla*); спускаясь же съ перевала, въ заросляхъ тальника, нашли синичку (*Roesile superciliosa*). Далеко внизъ, по луговымъ скатамъ горъ, паслись стада кочевниковъ-тангутовъ и вился клубами дымъ изъ ихъ стойбищъ.

Ущелье, по которому мы прошли, круто ниспадаетъ къ юго-востоку. Черезъ 25 верстъ мы уже спустились на 12.000 футовъ абсолютной высоты, въ ущелье Юнги-чюныкъ. Направленіе послѣдняго простирается къ юго-западу, вглубь Амнэ-Мачина, куда мы и направили свои дальнѣйшіе шаги. Пройдя нѣсколько верстъ по глубокому, живописному ущелью, экспедиція, поднявшись на одну изъ луговыхъ террасъ, расположилась бивакомъ. Въ такомъ прекрасномъ мѣстѣ, богатомъ животной жизнью и красотой картинъ природы рѣшено было пробить два дня.

Ущелье Юнги-чюныкъ, по каменистому дну котораго шумъ обѣжать воды рѣки Дэйбъ-чю, беретъ свое начало въ 20 верстахъ—у перевала Мцый-Гунтукъ. На всемъ означенномъ протяженіи и

описываемое ущелье глубокое, дикое, извилистое. По сторонамъ высятся гигантскія горы, густо прикрытыя *Juniperus Pseudo-Sabina* и сплошными зарослями тальника и другихъ кустарниковъ. Изъ сосѣднихъ распадковъ круто ниспадали ледяные ручьи. Среди лѣсовъ ущелья пролегаетъ тропинка, которая, какъ змѣя, вьется по крутымъ откосамъ горъ; порою она высоко поднимается вверхъ, и лѣпится тамъ по карнизамъ и висячимъ мостамъ; затѣмъ отлого или круто сбѣгаетъ внизъ на дно ущелья. Сколько чудныхъ картинъ путешественникъ видитъ по сторонамъ, пробираясь въ этихъ мѣстахъ. Внизу блеститъ рѣка; по бокамъ вздымаются скалы, убранныя зеленымъ лѣсомъ, на фонѣ послѣдняго блестятъ серебристыя каскады; выше — розсыпи и дикий гребень, на которомъ нанизано нѣсколько снѣговыхъ шапокъ. Подъ сѣнью растительности, или на открытыхъ лужайкахъ, вблизи шумящихъ водъ, таятся или свободно разгуливаютъ пернатые обитатели. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ, конечно, ушастый фазанъ (*Crossoptilon auritum*), который былъ замѣченъ при самомъ входѣ въ ущелье и который здѣсь очень распространенъ. Въ 2—3 охоты я убилъ 10 отличныхъ экземпляровъ, пополнившихъ нашу орнитологическую коллекцію. Списокъ послѣдней увеличился вообще за время, проведенное въ этомъ оживленномъ ущельи. Тутъ были: два вида *Caprodacus*, три вида *Accentor*, *Parus*, *Merula Kessleri*. Всѣ эти птички громко и нѣжно дали свои звуки въ чащѣ кустарниковъ. Высоко у скалъ проносились Мусеробас и мелодично свистѣли въ воздухѣ. На мѣстахъ старыхъ стойбищъ копались *Columba rupestris* и *C. leuconota*, *Puffinorax graculus* и *P. alpinus*, *Montifringilla*, *Podoces humilis* и друг. Съ розсыпей верхняго пояса горъ доносились громкіе голоса *Megaloperdix*. Могучіе пернатые: *Gypaetus barbatus*, *Gyps himalayensis* и *Vultur monachus* заканчиваютъ собою поверхностный списокъ пернатого царства.

Изъ звѣрей, по словамъ мѣстныхъ тангутовъ, въ ущельи держатся: *Cervus*, *Moschus*, *Felis*, *Canis*, *Lepus* и мелкіе грызуны.

Вблизи перевала Мцый-Гунтукъ — самаго отдаленнаго пункта нашей экскурсіи — экспедиція расположилась бивакомъ, въ надеждѣ на-завтра слѣдовать дальше. Судьба же судила иначе. Въ ночь на 28 января, В. И. Роборовскій былъ сильно потрясенъ параличомъ. Продолжать движеніе впередъ оказалось невозможнымъ.

Весь проведенный на нагорьѣ январь стояли сильные холода, особенности по ночамъ, когда температура спускалась до 33,° С. Два, днемъ на солнцѣ было теплѣе, но лишь въ тихую погоду;

когда же поднимался вѣтеръ, леденящая стужа становилась невыносимой. Только въ глубокихъ ущельяхъ бассейна Желтой рѣки климатъ оказался значительно мягче; но и здѣсь сосѣдній Амнэ-Мачинъ нерѣдко давалъ о себѣ знать.

И такъ, экспедиціи суждено было вернуться, не дойдя 5, 6 переходовъ до кумирни Роджа-Гомба, а слѣдовательно и до извилины Желтой рѣки.

5-го февраля, на 9-й день стоянки, караванъ потянулся внизъ по живописному ущелью, оставивъ которое, экспедиція стала двигаться успѣшнѣе; 11 февраля бивакъ ея уже стоялъ въ 12-ти верстахъ отъ перевала Мджугди-ла. 13 февраля мы двинулись на перевалъ, держась плотной кучей. Поднялись и спустились безъ всякихъ приключеній. Внизъ по Накъ-чю теперь виднѣлось много тангутскихъ стойбищъ. Стада номадовъ паслись у самыхъ снѣговъ Амнэ-Мачина. Въ прозрачномъ воздухѣ эта снѣговая группа блестяла восхитительно!

Въ этотъ день тангуты произвели на экспедицію предательское нападеніе. Отрядъ не только стойко выдержалъ натискъ вооруженныхъ дикарей, но даже самъ перешелъ въ наступленіе и чувствительно наказалъ негодяевъ за ихъ дерзость...

На утро, 14-го февраля, въ 9 часовъ, мы уже двинулись въ путь. Высланный развѣздъ слѣдовалъ впереди, ближайшимъ гребнемъ горъ. Когда караванъ миновалъ стойбища тангутовъ, послѣдніе стали показываться изъ боковыхъ ущелій горъ и направляться къ покинутымъ жилищамъ. Съ поднятіемъ на перевалъ Нджугудынига намъ открылся видъ на водораздѣлъ бассейна Желтой рѣки и водъ Цайдама. Туда, на сѣверо-западъ и лежалъ обратный нашъ путь—къ озеру Тосо-нору.

На третій день движенія отъ Чурмына мы поднялись на перевалъ Шиму-лабдынъ, абсолютная высота котораго простирается до 13.700 футовъ. Собственно водораздѣлъ представляетъ узелъ отроговъ сѣверныхъ и южныхъ горъ. Вершина его носить мягкій, луговой характеръ. Съ высшей точки Шиму-лабдынъ открывается видъ не только на долину, но и на самое озеро Тосо-норъ. Къ сожалѣнію, въ воздухѣ висѣла пыльная дымка.

За переваломъ, вблизи стада номадовъ, рѣзвились табуны хулановъ и небольшія стада стройныхъ *Procapra picticauda*. Изъ птицъ чаще другихъ попадались на глаза *Gennaia Hendersoni* и *Montifringilla*. Слѣдующій переходъ привелъ насъ въ урочища Джамкыръ, на восточномъ побережьи озера Тосо-нора. Означенное

урочище изобилуетъ ключами, озерами, вообще представляетъ болотистую мѣстность.

Теперь намъ предстояло совершить движеніе по Тосо-нору, что и было исполнено въ три перехода. Для этой цѣли былъ избранъ сѣверный берегъ озера. Въ это пребываніе Тосо-норъ представлялся намъ болѣе наряднымъ, нежели въ передній путь, когда ледяной покровъ былъ засыпанъ густою пылью и поверхность его нельзя было отличить отъ окружающей мѣстности.

Тосо-норъ покоитъ свои прозрачныя и прѣсныя воды въ долину, обставленную съ сѣвера и юга высокими горами. Простираясь въ длину съ юго-востока на сѣверо-западъ, озеро тянется въ этомъ направленіи 35 верстъ, описывая береговое очертаніе до 80. Глубина озера, по всей вѣроятности, изрядная. На скалахъ, омываемыхъ волнами Тосо-нора, отлично былъ виденъ прежній болѣе высокій уровень воды; разница же между зимнимъ и лѣтнимъ уровнями простирается до 2 футовъ. Толщина льда около $1\frac{1}{2}$ аршина. Берега изрѣзаны заливами. Дно песчано-галечное. По берегу найдены водоросли и моллюски. Озеро вскрывается въ мартъ, когда настаетъ періодъ весеннихъ бурь.

Питается озеро ключевыми родниками урочища Джамкыра, многоводной рѣчкой, впадающей съ сѣвера а также и рѣчками южныхъ горъ. Въ сѣверо-восточномъ углу озера, у подножія известковыхъ скалъ, бьютъ горячіе ключи. Температура ихъ при выхождѣ изъ земли была (въ 1 часть дня 20 февраля) $+27,8^{\circ}\text{C}$. По сосѣдству съ ключами виднѣлись открытыя полины, пріютившія стаю Мегус и Querguehula. Здѣсь же пойманъ пескаръ. Иалишекъ водъ описываемаго озера стекаетъ по Еграй-голу въ Цайдамскія болота.

Рѣка Еграй-голь, по которой намъ предстоялъ дальнѣйшій путь къ Шандрі, имѣетъ протяженіе около 120 верстъ. Въ верхней своей части, до сліянія съ рѣкою Алакь-норомъ, долина Еграй-гола характеризуется крайней бѣдностью, но залегаетъ широко. Въ среднемъ же и нижнемъ теченіи Еграй-голь несетъ свои прозрачныя воды большой рѣчкой, заключенной въ глубокомъ, узкомъ и извилистомъ ущельи. Соединившись съ Алакь-норомъ она вначалѣ направляется къ сѣверу; затѣмъ, вскорѣ уклоняется на сѣверо-западъ, чтобы вступить въ равнину Цайдама. На всемъ протяжении долины Еграй-гола представляетъ болѣе отрывную картину. Боковыя ущелья покрыты травянистою растительностью; дно—кустарною. Въ мѣстѣ расширенія долины зале-

гають отличныя луговыя площади, среди которыхъ съ шумомъ бѣгутъ серебристыя ручьи. На болѣе крутыхъ участкахъ рѣка осталась незамерзшею и неслась то однимъ, то нѣсколькими рукавами. Въ нижнемъ теченіи описываемая рѣка принимаетъ справа Какты-голь.

Отсюда до выхода изъ горъ, на протяженіи 30 верстъ, намъ попадались монгольскія стойбища. Послѣ столкновеній съ тангутами, монголовъ мы встрѣтили съ большою радостью.

Бѣдный весенній пролетъ мы стали наблюдать со второй трети февраля.

1-го марта на устьѣ Какты-голь мы замѣтили *Grus sinerea*. Стая за стаей неслись эти сильныя пернатые странники, потрясая воздухъ своими громкими криками. Красивый остроугольный строй этихъ стай съ теченіемъ времени мѣнялъ свою форму. Тогда же были наблюдаемы *Ibidorhyncha Struthersii*, державшіеся на Еграй-голь; въ сосѣдствѣ съ ними вспугнута была пара *Scolopax*.

3-го марта экспедиція вернулась въ хырму Шандрди. Подлѣ нашего бивака держались по прежнему *Columba rupestris*; вблизи съ крикомъ проносились *Syrnhartes thibetanus*, на которыхъ отъ времени до времени, налетаютъ *Gennaia Hendersoni*. Изъ мелкихъ же птицъ чаще другихъ показывались: *Carpodacus*, *Montifringilla*, *Petronia*, *Passer* и *Otocorys*.

Изъ Шандрди мы направились въ горы Бурханъ-Будда, гдѣ проживалъ теперь Барунъ-засакъ, правитель мѣстныхъ монголовъ.

Его ставка находилась на рѣкѣ Ихэ-голь, въ глубокомъ, кормномъ ущельи, въ виду главнаго хребта, который въ это время былъ засыпанъ снѣгомъ. Означенной ставки мы достигли въ четыре перехода, слѣдуя на юго-юго-западъ. На всемъ пути пересѣкали горныя отроги, уходящія къ пустынѣ Цайдама. Въ нижнемъ поясѣ горъ изобилуетъ травянистая растительность; въ среднемъ, кромѣ того, довольно часто попадаетъ *Juniperus Pseudo-Sabina* и *Salix*.

Придя на рѣку Ихэ-голь, экспедиція расположилась по сосѣдству съ Барунъ-засакомъ. Съ этимъ стариннымъ знакомымъ мы встрѣтились снова по-дружески. Мы отдали ему всѣхъ своихъ вьючныхъ яковъ и хайныковъ, чтобы онъ доставилъ экспедицію на верблюдахъ въ Курлыкъ.

Утромъ 16-го марта, нашъ караванъ потянулся внизъ по Ихэ-голу. Верблюды двигались несравненно быстрее, нежели яки и хайныки. Въ два перехода экспедиція перенеслась къ хырмѣ Бѣ-

рунь-засака, а 20-го числа биваеъ ея стоятъ уже въ долину Байнъ-гола. Благополучно переправившись на правый берегъ рѣки, караванъ направился внизъ по ея теченію. Въ урочищѣ Хананъ-цаганъ, въ виду предстоящей пустыни, мы устроили дневку.

По долину рѣки Байнъ-гола держалось много пролетныхъ птицъ; но по большей части это были тѣ же виды, которые наблюдались нами въ горахъ. Въ числѣ незамѣченныхъ раньше можно упомянуть: *Anser indicus*, *Milvus melanotis*, *Turdus* и *Saxicola*.

Покинувъ растительную полосу Байнъ-гола, мы вступили въ солончаковую равнину, раскинувшуюся въ ширину на 20 версты; по ней течетъ мутный Булунгиръ. Тотчасъ за Булунгиромъ поднимается каменистая возвышенность, отдѣляющая Цайдамъ отъ Курлыка. Означенную возвышенность караванъ перевалилъ восточнѣе размытой горы Абдыринте-ула. Поднявшись же на вершину послѣдняго—окрайняго края, открывается видъ на долину рѣки Байнъ-гола (Курлыкского). Камыши на своемъ желтомъ фонѣ рѣзко выдѣляли какъ рѣки, такъ и безчисленное количество водныхъ площадокъ, красиво блестящихъ подъ лучами низко опустившагося солнца. У границы болотной растительности ютились номады, подлѣ юртъ которыхъ паслись ихъ многочисленныя стада. Вскорѣ затѣмъ и мы вступили на лѣвый берегъ Байнъ-гола. Всю ночь—тихую и ясную—раздавались голоса *Grus nigricollis*, большихъ и малыхъ *Anser* и *Anas*.

25-го марта, переправившись чрезъ Байнъ-голъ, экспедиція по распустившимся болотамъ направилась къ хырмѣ Курлыкъ-бэйсе—своему главному складу. Птицъ было такъ много, какъ мы еще нынче нигдѣ не видѣли. Не смотря на обиліе ихъ, на всемъ сонмѣ лежала печать заботы. Для большинства изъ нихъ Курлыкъ только временная станція отдыха; впереди имъ предстоятъ еще тяжелый и далекій путь къ сѣверу. Вотъ почему нѣтъ ни игривости, ни тѣхъ ликующихъ звуковъ, которые свойственны цайдамъ, достигшимъ мѣстъ своего гнѣзденія.

Въ наблюденіяхъ за пернатымъ царствомъ мы незамѣтно подошли къ хырмѣ. Здѣсь мы радушно встрѣтились съ людьми, явившимися складъ. У нихъ оказалось все благополучнымъ. Близъ своей мы теперь расположили вблизи хырмы, при одномъ многочисленныхъ болотъ.

Поѣздка въ хребетъ Южно-Кукунорскій.

Первая половина апрѣля проведена была мною на главномъ бивакѣ, стоявшемъ въ урочищѣ Таране-быль—владѣнія Курдыкскога-бэйсе. Тѣмъ временемъ я снаряжался въ разѣздъ, цѣль котораго заключалась въ обзорѣніи окрестныхъ мѣстностей на пространствѣ около 600 верстъ. Маршрутъ рекогносцировки вначалѣ пролегалъ на юго-востокъ—къ крайнимъ Тибетскимъ горамъ; затѣмъ поперекъ долинъ Цаса-голь и Сырхэнской къ Дуланъ-киту, откуда предстояло подробнѣе заняться изслѣдованіемъ животнаго царства хребта Южно-Кукунорскаго.

15-го апрѣля разѣздъ былъ готовъ къ выступленію. Меня сопровождали—неизмѣнный мой спутникъ Жаркой, унтеръ-офицеръ Ворошиловъ и проводникъ. Караванъ состоялъ изъ 4-хъ выючныхъ и столькихъ же верховыхъ лошадей. Миновавъ долину и песчано-каменистую возвышенность, мы вступили на правый берегъ Баннъ-гола. Отсюда намъ предстояло перенестись въ долину Дзухынъ-голь, отстоящую въ 60 верстахъ въ томъ же юго-восточномъ направленіи, что и было исполнено въ два дня. Достигнувъ урочища Дзухынъ, мы устроили дневку, которая была необходима для ознакомленія съ послѣдними водами Дзухынъ-гола, образующими озеро Амцынъ-норъ. Означенное озеро небольшое—3 версты по длинѣ и $\frac{1}{2}$ версты шириною—и неглубокое, вытянутое по направленію долины—съ востока на западъ. Стѣдя, затѣмъ вверхъ по Дзухынъ-голу, мы въ одинъ переходъ достигли урочища Дзухынъ-сала, т. е. мѣста, гдѣ сходятся три водныя вѣтви и гдѣ растительность и влага описываемой долины прекращаются. Отсюда прибыли въ урочище Долонъ-тургынъ. Пройденная долина несетъ характеръ пустыни, съ свойственной послѣдней растительностью. Здѣсь бѣгали и спокойно паслись табуны *Asinus Kiang*.

Оставивъ урочище Долонъ-тургынъ, мы перешли, держась южнаго курса, на рѣку Сулинъ-голь. Отсюда, на слѣдующій день, съ запасами воды, двинулись къ Тибетскимъ горамъ. Справа высились второстепенные горные кряжи; слѣва, къ сѣверу—болѣе грандіозные. Между горами, ниспадающими къ юго-востоку и разбивающимися въ сѣверо-западномъ направленіи, заключена долина съ богатою травянистою растительностью. Здѣсь же былъ замѣченъ и первый цвѣтокъ голубого касатика. Дальнѣйшій путь шелъ долиною, въ восточно-юго-восточномъ направленіи, къ рѣкѣ Карагайнынъ-голу.

Желая познакомиться съ лѣсными ущельями, лежащими на западъ отъ Карагайнынъ-гола, мы, не доходя этой рѣки, свернули къ сѣверу, зашли въ горы и расположились бивакомъ при устьѣ одной отличной «пади». Красота сосѣднихъ ущелій, укрытыхъ сиклопнымъ еловымъ лѣсомъ, побудила насъ устроить дневку, не смотря на то, что воды въ этихъ горахъ не имѣлось. Еловый лѣсъ (*Abies* sp.) прекрасно развивается по склонамъ, обращеннымъ къ сѣверу, на 11.000—12.000 футахъ надъ морскимъ уровнемъ. Нерѣдко встрѣчались лѣсныя заросли, гдѣ *Abies* чередуется съ древеснымъ можжевельникомъ, хотя характерныя мѣста произрастанія *Juniperus Pseudo-Sabina* находятся тутъ на южномъ склонѣ горъ и приблизительно на той же абсолютной высотѣ. Нижнюю и верхнюю границы хвойныхъ деревьевъ сопровождаетъ низкорослый кустарникъ, который особенно густо устилаетъ собою альпійскіе дуга.

Дальнѣйшій нашъ путь направлялся къ сѣверо-западу, гдѣ виднѣлся разлогъ въ долину Цаса-гола. Проходъ изъ одной долины въ другую отличный. Цаса-голь, гдѣ мы на него вступили, идетъ не въ такихъ грандіозныхъ горахъ, какія его сопровождаютъ къ юго-востоку. Прибрежная долина представляетъ отличныя пастбища, но кочующихъ тангутовъ здѣсь не было. Ихъ стойбища начинались въ 40—50 верстахъ выше по теченію. Въ виду предстоящей безводной ночевки, мы покинули долину Цаса-гола, запасшись водою. Впереди къ сѣверу, куда лежало наше движеніе, стоитъ хребетъ Тамыртынъ-ула. Переваль Тамыртынъ-котель, на который мы направлялись, приходится восточнѣе скалистой части гребня. Абсолютная высота его около 12.500 футовъ. Растительность взбѣгаетъ на вершину перевала. *Juniperus* лѣпится много выше, тогда какъ травы, и низкорослый кустарникъ почти здѣсь имѣютъ свою верхнюю границу. Звѣрей мы на своемъ пути не встрѣчали, но птицъ—довольно часто. Кочевниковъ въ ущельяхъ, пройденныхъ нами, не было; они живутъ здѣсь только зимою, все по той же причинѣ—безводію. Переночевавъ у сѣвернаго подножія главнаго гребня, мы, держась прежняго курса, направились къ ставкѣ Куку-бэйсе. Вновь возведенное укрѣпленіе здѣшняго управителя расположено на правомъ берегу Сырхэ-гола, бѣгущаго въ хребта Южно-Кукунорскаго въ озеро Сырхэ-норъ. Покинувъ жесткую хырму, вокругъ которой виднѣлись юрты монголовъ, мы направились къ Дуланъ-голу, несущему свои чрезвычайно свѣтлыя воды въ соленое озеро Дуланъ-норъ.

На сѣверѣ, обращенный къ намъ склонъ горъ рѣзко выдѣлялъ темную, словно наброшенную ленту лѣса. Пovyше золотисто блестящія площади альпійскихъ луговъ, къ которымъ сбѣгали оголенные уступы скалъ и розсыпи. На слѣдующій день, миновавъ кумирню Дуланъ-китъ, мы зашли въ одно изъ ущелій лѣваго берега или, точнѣе, южныхъ горъ Дуланъ-гола, и у подножія лѣсной зоны расположили свой бивакъ. Крутизна склоновъ, неприступныя скалы, безводіе — не дали намъ тутъ засидѣться. По-знакомившись съ лѣсною жизнью и вообще съ характеромъ этой части хребта, мы 1-го мая направились въ лучшее ущелье противолежащихъ горъ. Пройдя стойбища монголовъ, вступили въ лѣсную область и здѣсь, въ долинѣ шумящихъ водъ, среди высокихъ елей, поставили свою палатку. Кругомъ было такъ хорошо, что мы остались на три дня.

Время пребыванія въ лѣсномъ ущельи Усу-экинъ-карагайту было посвящено, главнымъ образомъ, сбору пернатыхъ. Въ послѣдній день была предпринята поѣздка вверхъ по лѣсному ущелью, которое простиралось къ сѣверо-западу на 13 версты. Это ущелье извилистое, глубокое, съ огромнымъ паденіемъ своего каменистаго ложа, по которому несутся прозрачныя воды. Правый берегъ и сопровождающій его горный скатъ изобилуютъ елью (*Abies Schrenkiana*); лѣвый — *Juniperus Pseudo-Sabina*. Границы древесной растительности выражаются: нижняя 11.500 футовъ, верхняя около 13.000 футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Немного выше восходитъ низкорослый кустарникъ, и только за 500 футовъ до гребня и его розсыпей прекращается альпійскій лугъ.

5-го мая мы покинули отличное ущелье, доставившее въ нашу коллекцію интересныхъ птицъ и, выйдя въ долину Дуланъ-гола, направились внизъ по этой рѣкѣ. Черезъ 8 версты мы свернули въ первое южное ущелье — Цаганъ-голь. 7-го мая окончательно распрощались съ лѣсами хребта Южно-Кукунорскаго.

Экскурсируя во владѣніяхъ Кукунорскаго вана и стоя бивакомъ въ его близкомъ сосѣдствѣ, я, въ день прихода въ Цаганъ-голь, направилъ къ мѣстному управителю своего забайкальца, а на другой день и самъ къ нему поѣхалъ. Ванъ принялъ меня замѣчательно радушно.

Дальнѣйшій путь лежалъ мимо хыры Куку-бэйсе въ хребетъ Сарлыкъ-ула, гдѣ мы хотѣли поохотиться за тибетскими медвѣдями. Общая характеристика горъ Сарлыкъ-ула такова: круты, скалисты, пустынно. Этотъ хребетъ тянется отъ запада къ во-

стоку, съ легкимъ отклоненіемъ на югъ. Гребень хребта идетъ правильной пилой, болѣе возвышенные зубцы которой приходятся въ серединѣ. Растительная жизнь всего больше сосредоточивается по ущельямъ верхняго пояса горъ, и лишь восточнѣе перевала Елистенъ-дабанъ, въ болѣе широкой части хребта, богаче въ ботаническомъ отношеніи средній и нижній поясы южнаго склона. Воды вообще мало. Фауна описываемыхъ горъ близко подходит своими видами къ фаунѣ покинутого хребта на сѣверѣ.

Проведя болѣе сутокъ при лучшемъ мѣстечкѣ—ключѣ Елистенъ-куку-булакъ,—откуда бытъ предпринять рядъ безуспѣшныхъ экскурсій за звѣрами, мы 12-го мая поднялись на перевалъ Елистенъ-дабанъ, абсолютная высота котораго около 12.800 футовъ.

Отпустивъ проводника-охотника, мы отсюда повернули къ западу—въ Курлыкъ. Долина Байнъ-гола измѣнилась къ лучшему: чистыя воды рѣки неслись плавно, окаймленные яркой зеленью низменныхъ террасъ. Повсюду тѣснились монгольскія стойбища и бродили ихъ скотъ, среди котораго доврчиво паслись стада дикихъ гусей (*Anser sinensis*). Нѣкоторыя пары уже успѣли обзавестись молодымъ поколѣніемъ, зорко оберегая его отъ назойливыхъ хищниковъ.

Въ Курлыкѣ экспедиція пробыла два мѣсяца, въ теченіе которыхъ хорошо ознакомилась съ мѣстностью и туземцами. 1-го іюня мы оставили Курлыкъ-бэйсе и, держа путь южной окраиной Нань-шаня, чрезъ Сыртынъ, направились въ Са-чжоу.

Отъ Са-чжоу до Люк-чюна и знакомство съ восточной окраиной Тянь-Шаня и Шоно-норской котловиной.

Въ концѣ іюля 1895 года экспедиція спустилась съ горъ Нань-шаня въ знакомый оазисъ Са-чжоу, который въ это время выглядѣлъ наряднѣе: сѣрый, грустный колоритъ смѣнился мягкой, ласкавшею глазъ путника зеленью, пышная растительность скрывала жалкія постройки китайцевъ. Пернатые обитатели находили себѣ прекрасный пріютъ въ чащѣ зарослей, и охота за ними далеко не вознаграждалась прежнимъ успѣхомъ.

6-го августа мы покинули Са-чжоу. Напрасно оглядывались назадъ: хорошо знакомый сосѣдній Нань-шань не открывался взору. Въ южной части Хамійской пустыни путешественникъ, слѣдуя къ сѣверу, встрѣчаетъ на пути горы Бей-шань. Эти невысокія горы, протянувшись двойнымъ рукавомъ, раздѣлены широкою до-

линой. На своихъ поперечныхъ окраинахъ Бей-шань имѣетъ болѣе правильныя и болѣе возвышенныя гряды, нежели въ серединѣ общаго вздутія, гдѣ набросанъ рядъ большихъ и малыхъ холмовъ. Проходя въ лабиринтѣ послѣднихъ, мы встрѣтили небольшое общество дикихъ верблюдовъ. Спускаясь съ горъ Бей-шаня и слѣдуя къ станціи Куфи, открывается, чрезъ Хамійскую впадину, отличный видъ на крайній Тянь-шань.

18-го августа экспедиція прибыла въ Хамійскій оазисъ и расположилась бивакомъ въ его юго-западной окраинѣ. Отличнѣйшее, привольное мѣстечко, съ хорошимъ кормомъ для животныхъ и добродушными туземцами, пріютило экспедицію безъ малаго на мѣсяцъ, пока я ѣздилъ на крайній востокъ Тянь-шаня.

Стоя бивакомъ вблизи большого административнаго пункта, необходимо было повидаться съ мѣстными чиновниками, чтобы гарантировать себя отъ всякихъ случайностей. Для этой цѣли наскоро снарядившись въ разѣздъ, мы, въ числѣ 4 человекъ, направились въ городъ Хами. На этотъ разъ со мною слѣдовали В. Ф. Ладыгинъ и два старшихъ урядника, Баиновъ и Жаркой. Г. Ладыгинъ и Жаркой, по окончаніи дѣлъ въ Хами, должны были вернуться обратно на главный бивакъ.

Въ городѣ Хами мы остановились въ довольно грязной гостинницѣ, и въ самый день пріѣзда успѣли побывать съ визитомъ у мѣстныхъ властей. И китайскій амбань, и ванъ, завѣдующій мусульманами, встрѣтили насъ особенно радушно. Оба много разспрашивали о нашемъ далекомъ странствованіи. На мое желаніе съѣздить въ горы мѣстныя власти выразили полное согласіе и впервые добросовѣстно поторопились своими распоряженіями. Лично мнѣ дали изъ управленія хорошаго небольшого чиновника и снабдили бумагами.

Восточная оконечность Тянь-шаня, отрѣзанная Хамійско-Баркульской дорогой по перевалу Кошеты-дабагъ, простирается съ СЗ на ЮВ. Занимая около 150 верстъ по длинѣ, эта часть горъ въ срединѣ поднимается за линію вѣчнаго снѣга. Могучія снѣговья вершины тянутся 50 верстъ; переходовъ между ними не имѣется. У туземцевъ эта часть хребта извѣстна подъ именемъ Карлыкъ-тага, т. е. снѣгового хребта. Оба склона означенныхъ горъ весьма круты; общая ширина ихъ около 40 верстъ. На сѣверномъ склонѣ граница вѣчнаго снѣга, измѣренная при урочищѣ Яшилъ-кулъ, оказалась на высотѣ около 12.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Снѣговья поля замѣчательной бѣлизны. Посѣщенный ледникъ

защипленъ остроконечными вершинами, которыя, вѣроятно, имѣютъ не менѣе 15.000 футовъ абсолютной высоты. Крутизна ледника ужасная; основаніе его падаетъ вертикально, — на немъ виднѣлись каскады. Отъ снѣговой части хребта, стоящей какъ бы изолированно, сбѣгаетъ нѣсколько ущелій. Ледниковые потоки сѣвернаго склона, при выходѣ изъ главныхъ горъ, соединяются въ одно значительное ложе. Прозрачныя воды Карлыкъ-тага катятся въ глубокой балкѣ, именуясь Аръ-Тугюрюкомъ. Прорвавъ горы Мэчингъ-ола, рѣка Аръ-Тугюрюкъ стремительно несется къ сѣверу, гдѣ, пробѣжавъ 30 верстъ по открытой равнинѣ, пропадаетъ въ оазисѣ Номѣ. Точно также воды южнаго склона описываемыхъ горъ идутъ, главнымъ образомъ, на питаніе Хамійскаго оазиса, по главному Нарынскому ущелью. Отъ восточной снѣговой вершины хребетъ Карлыкъ-тагъ распыляется лучами. На меридианѣ Бая Тянь-шанъ почти прекращается: здѣсь пустынная, узкая, низкая гряда; но немного восточнѣе, изъ ряда невысокихъ скалистыхъ кражей, поднимается Эмиръ-тагъ. Отъ этой, крайней на востокѣ, командующей группы, уже волнисто тянется каменистая пустыня, уходящая за горизонтъ въ направленіи на ESE.

Только сѣверный склонъ Тянь-шаня покрытъ растительностью и притомъ богатой. Особенно прекрасный видъ на лѣсную зону представляется со стороны Баркульской равнины. Густой иѣшанный лѣсъ уходитъ къ востоку до Карлыкъ-тага, миновавъ который, снова устилаетъ послѣднія распадки горъ въ окрестностяхъ седеній Таль и Шополы. Верхняя граница лѣсной зоны лежитъ на 9000 футовъ абсолютной высоты; выше слѣдуютъ альпы. Лѣсъ составляютъ: сибирская лиственница (*Larix sibirica*) и ель (*Abies Schrenkiana*). Въ долинахъ растутъ кромѣ того тополь или, какъ называютъ туземцы, — акъ-даракъ (*Populus* sp.) и много кустарниковъ.

Южный склонъ Тянь-шаня выжженъ горячими лучами высоко стоящаго солнца. Здѣсь растительность ютится, вмѣстѣ съ человѣкомъ, по дну глубокихъ ущелій, гдѣ путнику открываются очаровательныя картины.

Животная жизнь въ описываемыхъ горахъ бѣднѣе, нежели вообще въ Тянь-шанѣ. Здѣсь уже не встрѣчаются медвѣди, козули; мараль очень рѣдокъ. Къ болѣе обыкновеннымъ представителямъ можно отнести аргали (*Ovis Polii*), тэке (*Capra sibirica*), волка, лисицу, зайца, два вида *Lagomys* и проч. Изъ птицъ, не зачтенныхъ раньше въ Тянь-шанѣ, нами здѣсь добыты: *Sitta eur-*

pea amurensis и *Periparus rufipestus*. Общій же списокъ орнитологической фауны Тянь-шаня примѣнимъ и къ описываемой части означенныхъ горъ.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, находящемъ отличный пріютъ въ разсматриваемыхъ горахъ.

Хамійскіе чанту, или тагчи (горные), здѣсь живутъ постоянно. Общая численность горныхъ обитателей около 500 семействъ, разбросанныхъ въ лучшихъ мѣстахъ. Ими вѣдають беки и другіе мусульманскіе чиновники. Живя со скотомъ, и въ то же время занимаясь земледѣліемъ, тагчи представляютъ полуномадовъ. Въ горныхъ ущельяхъ, до 7500 футовъ надъ уровнемъ моря, ютятся селенія въ одинъ или нѣсколько десятковъ домовъ. При селеніяхъ сосредоточены пашни, гдѣ сѣютъ голосѣмянный ячмень и пшеницу; въ устьяхъ ущелій попадается лёнъ. По мѣрѣ развитія растительности въ горахъ, тагчи поднимаются вверхъ со своими стадами. Всѣ горные обитатели имѣютъ хорошія юрты и располагаютъ ихъ въ красивыхъ мѣстахъ, болѣе или менѣе сосредоточенно. Внутренность юрты, очень часто, представляетъ хорошенькое помѣщеніе: полъ устланъ чистыми войлоками и коврами. Благодаря отличному пастбищамъ, скотоводство процвѣтаетъ успѣшно. Здѣсь держатъ барановъ, лошадей, рогатый скотъ; ишаковъ употребляютъ для ѣзды въ городъ. Домашній якъ встрѣчается какъ рѣдкость. Подлѣ юртъ кричатъ и копаются въ пыли куры.

Такова, въ общихъ чертахъ, характеристика крайняго Тянь-шаня, на поѣздку въ который ушло 20 дней съ проложеніемъ на карту маршрута въ 650 верстъ.

12-го сентября экспедиція оставила оазисъ Хамійскій и направилась въ своемъ полномъ составѣ на Люкь-чюнь. Туда ведутъ двѣ дороги: большая подгорная и пустынная, проклятая китайцами. Мы избрали послѣднюю. Вмѣстѣ съ тѣмъ насъ сильно интересовалъ вопросъ о границахъ Люкчюньской котловины. Желательно было узнать, навѣрно, составляетъ ли Шоно-норъ отдѣльную отрицательную низменность или же это есть восточная окраина общей Люкчюньской. Рѣшено было, придя въ урочище Кара-тубе, отстоящее въ трехъ переходахъ отъ Бугаса, выдѣлить легкій разѣздъ въ нѣдра пустыни. Такъ мы и сдѣлали. Въ Кара-тубе экспедиція устроила днѣвку. Отсюда главный караванъ, во главѣ съ В. П. Роборовскимъ, пошелъ по дорогѣ, я же, съ проводникомъ, рискнулъ пуститься къ югу до Чоль-тага. Захвативъ въ свой

маршрутъ озеро Шоно-норъ и сѣверную окраину пустыннаго хребта, мы прибыли на ключъ Сарыкъ-камышъ, гдѣ, какъ было условлено, соединились съ главнымъ караваномъ. Такимъ образомъ моя поѣздка описала дугу, повѣшенную на хорду—путь главнаго каравана.

Эта экскурсія была выполнена при самомъ скромномъ снаряженіи. Намъ было двое и столько же верблюдовъ. Животныхъ, везшія намъ, везли въ то же время и всѣ наши продовольственные запасы. Послѣдніе заключались, главнымъ образомъ, въ водѣ: съ нами было два резиновыхъ мѣшка, наполненныхъ чаемъ и кипяченой водой.

Общій характеръ осматрѣнной части пустыни таковъ. Отъ южнаго подножія Тянь-шаня круто сбѣгаетъ песчано-каменистая равнина до Чоль-тага. Приблизительно на меридіанѣ Отръ-кэма, гдѣ она типично выдута вѣтрами и богата столовидными насажденіями, залегаетъ водораздѣльный гребень до Чоль-тага, съ сѣверной окраиной котораго соединяется, образуя рядъ сѣдловидныхъ возвышеній. Означенный гребень служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, распределеніемъ безкончнаго числа ложбинъ, направляющихся и къ юго-западу въ Люкчюнскую котловину, и къ юго-востоку въ самостоятельную Шононорскую. Абсолютная высота водораздѣла впадинъ около 1000 футовъ. Къ западу и къ востоку разсѣяны по дну и склонамъ плоскіе холмы, гряды и столовые возвышенности, сложенные по большей части изъ красныхъ отложеній.

Растительная и животная жизнь описываемой мѣстности наблюдалась только въ первый переходъ до озера Шоно-нора. На остальномъ же 120-ти-верстномъ разстояніи мы не видѣли ни былинки и не слышали ни одного живого звука. Мертвое безмолвіе царило кругомъ. Только на утро послѣдняго дня слышали крикъ журавлей, высоко пролетавшихъ надъ нами. Пернатые странники красивымъ угломъ неслись къ Индіи.

Въ Сарыкъ-камышѣ мы провели сутки всѣмъ отрядомъ. Отсюда В. И. Роборовскій направился съ тѣмъ же спутникомъ-туземцемъ въ глубину пустыни,—докончить изслѣдованіе котловины. Этотъ маршрутъ его обогнулъ люкчюнскіе пески съ юга, прошелъ чрезъ селеніе Догай и вышелъ въ Люкчюнъ, куда я съ главнымъ караваномъ прибылъ днемъ позже.

Будучи съ визитомъ у люкчюнскаго вана, мнѣ пришлось видѣть жеребенка *Equus Przewalskii*, котораго заботливо содержали при дворѣ управителя. Жеребенокъ, только что появив-

шійся на свѣтъ въ апрѣлѣ, былъ пойманъ охотникомъ въ окрестностяхъ Гучена и доставленъ вану. Первое время дѣтеныша поили только молокомъ; когда же я его видѣлъ, уже полугодовымъ, — же-ребенокъ ѣлъ кукурузу и печеный хлѣбъ. Лошадка — самецъ, — очень кротка, прекрасно ходитъ на уздечкѣ и свободно поднимается по гранитной лѣстницѣ во второй этажъ — въ покои дворца. Она позволяетъ садиться къ себѣ на спину 7 — 8-лѣтнему наслѣднику вана.

Отъ Люкь-чюна до Зайсана.

Изъ Люкь-чюна экспедиція выступила 18-го октября двумя отрядами. В. И. Роборовскій съ главнымъ караваномъ направился къ Зайсану черезъ Урумчи, Манась и Кобукъ. Я съ урядникомъ Шестаковымъ и мѣстнымъ проводникомъ пошелъ восточнѣе — на Гученъ, поперекъ Чжунгаріи, долиною Урунгу, чрезъ хребетъ Сауръ, — въ тотъ же пограничный городъ.

Вслѣдствіе осенняго времени, когда Тянь-шань укрывается глубокими снѣгами, запирающими болѣе высокіе проходы, мы принуждены были двинуться на Гученъ кружнымъ путемъ, по большой Чиктымской дорогѣ. Оставивъ за собою печальную пустыню, мы вступили въ горы. Южный склонъ, по которому двигались вначалѣ, былъ мало привлекателенъ. Ширина Тянь-шаня въ этой пониженной части — 50 верстъ. Абсолютная высота перевала Гочанъ простирается до 7500 футовъ. По выходѣ изъ горъ мы вступили на большую сѣверную дорогу и ея шли до города Гучена.

При-гученскій Тянь-шань величаво тянется на югъ. Его вѣчно-снѣговья поля и блестящіе на солнцѣ льды, отстоящіе на 40—50 и вдвое болѣе верстъ отъ города, придаютъ много прелести виду. Въ это время весь обращенный къ намъ склонъ былъ укрытъ снѣгомъ. Поясъ древесной растительности выдѣлялся темной лентой.

Въ Гученѣ мы пробыли три дня, въ которые познакомились съ городомъ и снарядились въ пустыню. Теперь намъ предстоятъ послѣдній переходъ къ роднымъ предѣламъ...

Впереди лежала травянистая равнина, которая къ сѣверу недалеко преграждается длиннымъ рукавомъ песковъ, къ западу же уходитъ на большое разстояніе, скрывая въ высокихъ камышахъ кабановъ и даже тигровъ. Песчаная гряда протянулась съ запада на востокъ около 200 верстъ, занимая въ ширину до 50-ти. Въ сѣверной части песковъ, куда никто, кромѣ охотниковъ,

не заглядываетъ, странствуютъ дикіе верблюды. Оставивъ подобную мѣстность, мы прибыли къ колодцу Новалы-худукъ.

Здѣсь мы совершенно неожиданно встрѣтились съ русско-подданнымъ татаринѣмъ, который велъ небольшой караванъ чая прямымъ путемъ пустыни, оставляя китайскую таможену восточнѣе. Вначалѣ киргизы сильно испугались и ухватились было за ружья, но затѣмъ, узнавъ кто мы, успокоились, а позднѣе изъявили желаніе примкнуть къ нашему отряду и совместно идти до долины Урунгу. Они увѣрили меня въ томъ, что безъ снѣга, да и безъ опытнаго проводника пройти на «Ханъ-обо»—нелзя. Рискнуть же отъ ключа Карамайли по меридіану къ Урунгу—было вѣскольکو смѣло, настолько и интересно. Такимъ образомъ отсюда мы двинулись въ сообществѣ киргизъ, и въ два перехода прибыли въ Карамайли.

Оставивъ Кокъ-бостау¹⁾, мы пошли напрямикъ къ сѣверу, куда вела маленькая тропинка. Два усиленныхъ и третій небольшой переходы доставили насъ въ долину Урунгу. На всемъ означенномъ протяженіи тянется почти ровная, слегка волнующаяся поверхность. Песчано-глинистая почва посыпана галькой. Волнистая поверхность пустыни уходитъ за горизонтъ. Показываемыхъ на нашихъ картахъ высотъ я не видѣлъ, не смотря на прозрачность воздуха. Вблизи на западъ все время тянулись знаменитые пески Кобба. Обиліе корма и безлюдіе обусловливаютъ собою уголки животнаго царства. Здѣсь оно имѣетъ своихъ оригинальныхъ представителей, въ особенности въ отдѣлѣ млекопитающихъ. *Camelus bactrianus*, *Equus Przewalskii*, два вида *Asinus* изрѣдка попадаются на глаза номадамъ-охотникамъ, далеко углубляющимся въ нѣдра пустыни.

Въ пересѣченной нами части Чжунгарской пустыни ежегодно появляются пастухи-киргизы, съ многочисленными стадами барановъ и табунами лошадей. Отсутствіе воды вознаграждается снѣгомъ, который держится около трехъ зимнихъ мѣсяцевъ. Такія мѣста даютъ возможность кочевникамъ не только поддерживать животныхъ во время зимы, но даже хорошо откормить ихъ. Сюда же пріѣзжаютъ и охотники, сосредоточивая свои базы на пастушескихъ бивакахъ.

Теперь нѣскольکو словъ о погодѣ. Дни стояли холодные, въ особенности когда дули сѣверные вѣтры, которые давали себя чув-

¹⁾ Какъ называютъ Карамайли киргизы.

ствовать, пронизывая до костей. Ночи были ясныя, морозныя: температура опускалась до -18° С.

На второй день движенія по пустынь мы увидѣли могучую снѣговую громаду.— Алтай. Тянь-шань и его престолъ Богдо-ола терялись въ снѣжной дымкѣ, тогда какъ Алтай съ каждымъ днемъ рельефнѣе выдѣлялъ свои матово-блестящія вершины. 5-го ноября, лишь только дневное свѣтло разсыпало свои лучи по высотамъ, сдавливающимъ теченіе рѣки Урунгу, мы вступили въ ея долину на урочищѣ Кара-булгунъ, лежащемъ на высотѣ около 2000 футовъ надъ уровнемъ моря. Бѣдное однообразіе пустынного ландшафта смѣнилось богатой рѣкой, катящей свои голубыя волны по затѣйливо-извилистому ложу. Верхнее и среднее теченіе рѣки Урунгу остались къ востоку, нижнее къ западу. Пройдя по Урунгу около 90 верстъ мы направились къ озеру Ботоганъ-куль, лежащему западнѣе. Пересѣченная мѣстность, съ довольно сносною растительностью на нашемъ пути, давала у себя приютъ *Ovis* и, впервые видѣннымъ мною, *Antilope saiga*. Озеро Бото-ганъ-куль находится къ югу отъ обширныхъ водъ Улюнгура, съ которымъ соединено рѣкой. Форма озера—неправильный кругъ, длина котораго опредѣляется въ 30 верстъ.

Оставивъ озеро, мы направились къ западу—къ горамъ Салбурты. Означенный хребетъ протянулся съ сѣверо-востока на юго-западъ, занимая по длинѣ 80 верстъ отъ южнаго берега Улюнгура до Семизъ-тау. Абсолютная высота перевала чрезъ него около 3500 футовъ.

Спустившись въ поперечную долину, мы остановились въ урочищѣ Салбурты. Отсюда направились на пересѣченіе Саура. Восточная окраина послѣдняго состоитъ изъ ряда большихъ и малыхъ кражей, грядъ, холмовъ и залегающихъ между ними долинъ. Утромъ 11-го ноября мы шли сѣвернымъ предгорьемъ Саура къ западу. Снѣговыя шапки хребта приближались; приближался и перевалъ Саръ-гологой. У его восточнаго подножія мы переступили государственную—отечественную границу.

Распрощавшись съ нарядными горами Саура, мы 13-го ноября 1895 года радостно вступили въ русскій поселокъ Кендерлыкъ, а на слѣдующій день уже катили на тройкѣ къ Зайсану. Звонъ колокола былъ символическимъ привѣтомъ дорогой родины...

Представленный очеркъ маршрута занять около 10-ти мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ было пройдено маршрутно-глазомерною съемкой 10-ти верстнаго масштаба 7700 верстъ. Весь этотъ

картографическій матеріалъ уже приведенъ въ надлежащій видъ, благодаря особенному вниманію многоуважаемаго генераль-маіора А. А. Большева.

Въ заключеніе отчета я позволю себѣ выразить глубокую благодарность Совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, давшему мнѣ возможность исполнить нѣкоторые изъ завѣстовъ покойнаго Н. М. Пржевальскаго.

Точно также считаю себѣ за большое удовольствіе принести безграничную благодарность и признательность какъ руководителю экспедиціи В. И. Роборовскому, охотно откликнувшемуся на всѣ мои порывы къ самостоятельнымъ экскурсіямъ и совмѣстно выработывавшему ихъ планы, такъ и г. Ладыгину и тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ экспедиціонной семьи, которыми я такъ заботливо былъ окруженъ въ своихъ, подчасъ, рискованныхъ поѣздкахъ.

Съ каждымъ путешествіемъ районъ невѣдомыхъ уголковъ въ Центральной Азійи сокращается. Правда, остающіяся мѣстности представляются болѣе непривѣтливыми или со стороны природы, или со стороны враждебно-настроеннаго населенія, но за то многолѣтнимъ опытомъ легко пріобрѣтается навыкъ въ подборѣ средствъ на преодоленіе невзгодъ въ томъ и другомъ случаяхъ. Притомъ же съ каждымъ разомъ у путешественника являются новыя знакомства съ мѣстными властями, съ которыми нерѣдко завязываются дружескія отношенія, что, въ свою очередь, также служитъ выгоднымъ пособникомъ въ достиженіи цѣли путешествія.

Остается надѣяться, что Императорское Русское Географическое Общество и впредь не оставитъ своего горячаго участія въ изслѣдованіи сосѣдняго Центрально-Азіатскаго материка и опять, какъ и прежде, придетъ на помощь своимъ сынамъ, кончившимъ разработку привезенныхъ матеріаловъ. Это новое благоволеніе со стороны роднаго учрежденія будетъ выразителемъ высшей награды, какую только можетъ получить истый путешественникъ...